

Твоя звезда

Автор:

Наталия Терентьева

Твоя звезда

Наталия Михайловна Терентьева

Золотые небеса

Когда девушка, похожая на светлого ангела, которому пришлось временно снять крылья, надеть джинсы и бороться с несправедливостью мира более земным путем, ангела, который стал беззащитным, потому что не может взять и улететь из этого неправильного мира к себе, в свою прекрасную даль, подходит к тебе и спрашивает, все ли у тебя в порядке, – как ответить? Как ответить, если ты потерялся и больше не можешь найти ни своей дороги, ни самого себя?

Актерская слава оказалась недолговечной и не принесла ничего, кроме разочарования. Работа у «звездного» режиссера словно поставила черную метку на карьере Степы Василькова. Что-то должно вытянуть его из пустоты и одиночества – неожиданная встреча, люди, которые живут совсем другой жизнью, сильная женщина, у которой есть огромная власть, новое, хорошее дело, в котором есть смысл. Или новая, настоящая любовь, которая заставит по-другому дышать и жить.

Все события и персонажи этого романа вымышлены, любые совпадения случайны

Наталия Терентьева

Твоя звезда

Я с небес опустился на землю...

А на целой земле – ни души.

Андрей Шигин

– С праздничком! – Сосед улыбался и явно хотел поговорить.

Он только вышел с собакой, погода с утра была отличная, небо чистое, вернулось лето, как будто и не уходило насовсем еще пару дней назад. Как будто не дул ледяной ветер, не стыла земля под ногами, не сыпались листья, не мерзли уши, не лезла в голову всякая муть о том, что все тленно, все бренно и как-то слишком быстро превращается в прах.

Степа кивнул и побыстрее прошел в подъезд. С каким праздником поздравляет его сосед? Что сегодня может быть? Курбан-байрам? Третью города варит с пяти утра баранину и молится. Движение перекрыто, потому что на тротуарах перед мечетью все не поместились, сели на проезжую часть, и не сгонишь – неудобно, чувства верующих – дело тонкое, особенно – горячо верующих, с кинжалом в руке... Но он-то не мусульманин. Трудно заподозрить спокойного светловолосого Степу Василькова, уроженца маленького среднерусского городка, в том, что он тайный приверженец ислама. Тогда что? С чем можно сегодня поздравлять?

Степа зашел в лифт, пряча за спину пакет с бесстыдно торчащей из него бутылкой, потому что из лифта вышла соседка с другого этажа, симпатичная, быстрая, длинноногая Вера... Не то чтобы она ему нравилась, но... если не врать себе... Да, нравилась – время от времени, особенно когда ходила не одна, а с сыном. Почему так, Степа понять не мог. Но одна Вера была обычная, деловая, сосредоточенная, уставшая или спешащая по делам. Жесткая. Бухгалтерша или юристка. Или менеджер по работе с менеджерами. А рядом с сыном в ней появлялось что-то мягкое, неуловимое, невероятно приятное. Хотелось смотреть на нее и смотреть, ловя легкий аромат волос... или духов... или ванильного печенья, нежного, рассыпчатого, таявшего во рту – в детстве, разумеется. Всё печенье растаяло во рту в детстве, вместе с глупыми мечтами. Степа мечтал быть регулировщиком – чтобы все машины в мире подчинялись только ему, так казалось маленькому Степе. Чтобы быть важнее светофора.

Сейчас Вера вышла как раз с сыном. И с огромным букетом. Желтые, оранжевые, белые цветы... Лилии, розы, хризантемы, обернутые в красную мешковину.

Мальчик, едва достававший Степе до пояса, взглянул на него, вытаращил глаза и громким шепотом сказал матери:

– Я же тебе говорил! Это он!

Понятно. Посмотрел фильм. Это волна, которая будет катиться еще неизвестно сколько. Сначала посмотрели все – так казалось. Все здоровались, или просто смотрели, или оглядывались, или бежали следом и хотели знакомиться. Сто человек за день, двести, триста... Потом это как будто прошло. Пару месяцев было затишье, а потом началось снова, но толчками и урывками. Фильм нашумел и сошел с экранов, так быстро, как сейчас обычно сходят все фильмы. И люди начали смотреть его в Интернете. То один, то другой... Этот мальчик прекрасно знал Степу как соседа – Степа въехал в этот дом год назад, получив гонорар за фильм и взяв еще кредит. Но мальчик, наверное, в каникулы посмотрел фильм. Каникулы, да... Букет... «С праздником!» Первое сентября. Сегодня первое сентября? Счет дням потерян. Нет, Степа так уж не пьет... И бутылку с утра купил случайно, вышел за банкой кофе, а купил армянское гранатовое вино... Зачем купил? Просто так. Приготовит мясо... Вот как раз к празднику. Или не приготовит... День знаний... Все что-то знают, чего не знает он, Степа, поэтому он идет домой, а не на работу. Вот пропустил начало осени, просчитался... Думал, еще неделька лета есть... А к чему считать дни, если все равно идти некуда? Иногда включишь телевизор и поймешь – ага, сегодня суббота. Потому что идет передача «Субботний вечер», на который Степу приглашали – даже два раза. И он сидел, как свадебный генерал. Спрашивать его толком ничего не спрашивали, но людям показывали – это был пик славы фильма и его лично, Степы Василькова.

Степа зашел в лифт, слыша, как мать мальчика сказала тому:

– Застегнись!

Кто бы Степе сказал «Застегнись, причешись, соберись...» Да, главное – соберись. Степа взглянул на себя в небольшое зеркало на стене лифта. Нормально. Выглядит он вполне нормально. Это все оттого, что он не может пить, как обычный русский человек. Сильный, двужильный, простой, который

пьет водку стаканами и не падает, тем более не плачет от первого же стакана. Отец прав – есть в нем какие-то чужие гены. Отчего он так вырос? Нет больше среди их родственников такого высокого и крупного человека. У Степы кость неширокая, мослов нет. Он весь как будто из другого мира – где живут люди, средний рост которых около двух метров. И Степа там, в том мире, вполне среднего роста и обыкновенной комплекции.

Замок открылся не сразу. Надо чинить замок. Надо чинить входную дверь – она отчего-то просела, чтобы закрыть, надо приподнять. Новый дом, покосило, наверное... фундамент поплыл... прямо как в его собственной жизни... Надо чинить на кухне окно, оно открывается ветром, если оставить полуприкрытым... Вот опять ночью открылось, упал большой керамический кот, у него отломился хвост... Кота подарили на фестивале – всей съемочной группе дарили кубки и ценные подарки, а ему – разноцветного кота... Надо чинить кота, такой симпатичный глазастый кот... Надо чинить свою жизнь. Но как?

Степа откупорил бутылку. Если пить в день по полстакана сухого вина, то будешь здоровым, как горец-аксакал. А если пить по две бутылки? Армянского крепленого... То будешь веселым, как Степин приятель Боря, который, не выпив, не садится за руль и не выходит на площадку сниматься. Реакция не та – говорит Боря. Боря работает в театре, много снимается, играет мелких жуликов и подонков и очень востребован. Внешность у него никакая, поэтому он может играть кого угодно. А Степа слишком хорош... «Слишком хорош» – сколько же раз он это слышал за свою жизнь!

Когда ему позвонили три года назад и напористая женщина пригласила его на пробы к Мазорову, Степа не поверил своим ушам. До этого он один раз пробовался для рекламы и один раз – на роль неопытного следователя. Не прошел ни туда, ни туда. Из-за роста – все казались маленькими рядом с ним, а также из-за того, что он слишком, неприлично хорош – так объяснила ему ассистентка на рекламе и пригласила на кофе.

– А роль какая? – спросил Степа, хотя, слыша фамилию «Мазоров», можно и не спрашивать. Зовут – и ура. Беги бегом, пока не передумали. Там, где Мазоров, – деньги и слава, мгновенная, на всю страну.

– Нормальная роль, – усмехнулась в трубку пожилая помреж. – Тебе понравится. Ты тридцатый. Двадцать девять уже не подошли.

Степа с детства привык к тому, что серьезно к нему относится мало кто. Когда в пятнадцать лет он за лето вырос на тридцать сантиметров, а за следующую зиму еще на сорок и стал выше всех, выше отца, выше физрука в школе, бывшего волейболиста, тем более выше всех мальчиков в классе, он стал предметом всеобщих насмешек. Потом постепенно многие мальчики в классе подтянулись за ним, кто-то даже обогнал. Рост его оказался в пределах нормы, но смешки не прекратились, хотя к десятому классу оказалось, что Степа не просто высокий, а еще красивый и отлично сложен.

Первой обнаружила это его учительница по английскому. Степа долго не мог понять, почему она то и дело оставляла его после уроков, когда он так хотел есть. Есть он хотел постоянно, еле дожидался перемены. Мать готовила хорошо, и еды в доме всегда было достаточно, но к Степе голод возвращался сразу, как только пролетал обед или завтрак. Степа улыбался и англичанке, которая положила на него глаз, и девочкам, толкшимся рядом, и подсмеивающимся пацанам. Его трудно было обидеть или разозлить.

Когда Степа подросток и стал пытаться анализировать свои отношения с окружающим миром, не всегда гладкие и понятные, он в один момент решил, что у него есть какой-то сломанный ген. Тот, что отвечает за выживание и злость. Потому что с добром идти на тех, кто над тобой смеется или даже пытается унижать и травить, – это абсурд и самоубийство. А что делать, если у него нет обиды и зла? Если он видит, что мальчики, подтрунивающие над ним, прыщавы и плохо сложены, у них короткие ноги, толстые шеи, носы плюшками, уши торчком... Поэтому их раздражает и задевает Степино превосходство. В чем оно? В чем? – пытался понять Степа. Ну нет прыщей, ну волосы слегка вьются, никогда не пачкаются, гладкая, чистая кожа, белые, ровные, плотно стоящие зубы, чуть большеватый рот, словно нарисованный, как будто кто-то сидел и прорисовывал, прорисовывал – и рот, и брови, и ресницы... И что? Что-то было в Степе такое, что заставляло девочек, женщин идти к нему, как будто их позвали. Что? «Ты красивый, – терпеливо объясняла ему мать, когда он стал взрослеть. – Красивый, понимаешь? Ничего хорошего в этом нет. Но ты получился очень красивым. В каком-то смысле это беда».

Степа смотрел на свою мать, на ее тонкое лицо, милое, доброе, усталое, на шею с тремя родинками, на вечные голубые бусики, кивал и... не понимал. Почему «беда»? И что такое «красивый»? Мало ли кто красивый. Директор их школы тоже красивый – высокий, статный, с ровными пышными усами, широкими плечами... А от него взяла и ушла жена. И он после этого словно взбесился. То

вдруг вышел на школьном концерте в черной майке с черепом и стал играть на гитаре и очень плохо петь песню собственного сочинения... Песня называлась «Сильнее!». В ней говорилось о том, что если хочешь быть сильным, надо только стать сильнее, чем ты был вчера, и тогда завтра ты будешь сильнее, чем сегодня... То попробовал выгнать трех учительниц, как говорили, тех, кто знал его жену и дружил с ней. Учительницы нажаловались на него, и его чуть самого не сместили... То вдруг взял и обрился наголо и стал приходить в школу раньше всех, отжиматься на спортивной площадке. Все шли в школу, а директор отжимался, отжимался... не обращая ни на кого внимания... Школьники делали ставки, спорили, проигрывали, выигрывали – на то, на каком разу отжимания директор охнет, на каком – крякнет, на каком упадет на землю и сколько будет лежать. Или вскочит сразу и побоксирует. Хрясть, хрясть... в воображаемого врага...

Полгода школа была вся перебудоражена. А потом к директору вернулась жена, он отрастил волосы, сбрил усы, быстро растолстел, но всё равно оставался красивым. К нему липли женщины, и как говорили мальчики, любившие сплетничать не меньше девочек, – небезосновательно липли. То одна, то другая молодая учительница якобы задерживалась в его кабинете допоздна. Горел свет допоздна, мелькали за окном, занавешенным плотными жалюзи, тени... Мстил жене за позор и унижение...

Степа в таких сплетнях участия не принимал и верить в них не хотел. Так же как и в свою необыкновенную красоту и те беды, которая она может ему принести.

Степа подошел к окну. Квартиру он купил в кредит, так не хочется об этом думать, вообще не хочется ни о чем думать, особенно о том, что никак не решается. Но вот уже четыре месяца он кредит не выплачивает, потому что денег больше нет. То, что заплатили ему за съемки, давно закончилось, потом он получал какие-то приличные суммы – за три рекламы, одна глупее и стыднее другой. От четвертой, где ему предложили рекламировать шоколад, лежа на спине в одних трусах, а на его животе партнерша по рекламе должна была рисовать растаявшим шоколадом значок знаменитой шоколадной фабрики, он отказался. И как-то после этого предложения иссякли. Мазоров заканчивает свой новый фильм, повсюду его уже бурно рекламируют, а про предыдущий все как будто и забыли.

Деньги, деньги... «Сынок, художник должен быть бедным! А то пузо заслонит тебе жизнь! Зачем тебе столько денег? Вот мы живем, нам хватает – на еду, на книжки, на бензин», – сказал ему отец, когда Степа приезжал навестить родителей прошлым летом. В это лето так и не выбрался... А что он скажет родителям? Что скажет любопытным соседям? Ходить по родному городку знаменитым актером, как два года назад, когда фильм был в прокате? Уже прошлым летом все только и спрашивали: «Ну, где снимаешься? Когда следующий фильм?» Он же их не спрашивал, где они снимаются и как у них дела на работе...

Степа налил полный стакан вина, поставил перед собой. Он всегда завидовал тем ребятам, которые могли легко выпить по полбутылки водки и при этом ровно держаться, не падать, не шататься, не плакать, не лезть на стену. Степа же, выпив, терял внутри точку опоры. Мир шатался вокруг него, всё рассыпалось в голове, собрать в одну кучу мысли и чувства он не мог и страшно расстраивался от этого. Чем больше он пил, тем сильнее было расстройство. Мучительно горькие мысли наваливались на Степу, окутывали его, сердце начинало разрываться от тоски и невыносимой горечи. Потом он засыпал и, проснувшись, помнил, как ему было тошно и пусто. Как жизнь казалась бессмысленной и тусклой. И после этого он долго не пил вообще. В мире театра и кино это очень неудобное свойство. Выпивая, люди обсуждают новые планы. В теплой компании рождаются идеи новых проектов, тот, кто не хочет пить, автоматически становится аутсайдером. Конечно, от Степы никаких новых идей не требовалось, его лицо и фигура – сами по себе богатство. «Абсолютный герой!» – как сказал, по-дружески усмехнувшись, Мазоров, когда Степа первый раз, стесняясь, вошел в комнату, где собрались продюсеры, оператор и сам Мазоров, чтобы со всех сторон разглядеть его, поскольку предыдущие двадцать девять актеров не подошли.

Степа так отчетливо помнил этот момент. День был хороший, солнечный, Степа шел по улице и улыбался – просто так. И люди улыбались ему в ответ. Он не знал, чем закончится встреча, скорее всего ничем. Поверить, что его утвердят на главную роль в новом фильме Мазорова, было невозможно. В театральный, правда, он поступил сразу, перед этим окончив ремесленное училище, единственное, которое было в их городке с населением тридцать тысяч человек, и отслужив в армии.

Поступать Степа ехал без особой надежды, программу подготовил сам, никому ее не показывал. Откуда и когда возникло это желание – стать актером – он и

сам не мог себе объяснить. Мать его была учительницей, отец – инженером-технологом на заводе, изготавливающем пиво и квас. Завод был построен еще в советские времена, за последние двадцать лет хозяева его поменялись раз семь. Говорили, что последний хозяин получил их заводик в счет карточного долга. Заводик выживал еле-еле, но отец не уходил с работы и надеялся, что Степа когда-то будет работать на его месте.

Степа же в один прекрасный день взял сумку, бросил в нее свитер и зубную щетку и отправился в Москву, благо что при желании можно было обернуться в тот же день, даже без ночевки. Он решил для себя так: если в первом вузе, куда он придет поступать, ему скажут: «Вы нам совсем не подходите», он повернется и уедет домой, обратно. И никто не узнает, зачем и куда он ездил.

Но все вышло не так. В первом вузе он с утра занял очередь на прослушивание и прошел лишь к вечеру. Из десяти человек, которых прослушивали вместе с ним, фамилию прошедшего на следующий тур назвали только одну: «Васильков». Степу позвали в комнату, где проходило прослушивание, и усталая дама лет пятидесяти пяти спросила его:

– Еще показываться куда-то будешь?

Степа неопределенно пожал плечами и улыбнулся.

– В школе двоечником был? – неожиданно продолжила дама.

– Нет, – удивился Степа. – Почему?

– Ладно. Неважно. Не ходи больше никуда. И программу поменяй. Тебя возьмут. Только не трепись об этом с остальными. Подготовь Блока «Двенадцать», отрывок найди какой-нибудь поярче, и прозу Достоевского, из «Идиота». Там, скажем... сцену Мышкина с Аглаей или лучше монолог о времени...

– Я похож? – удивился Степа.

– Да, ты похож на идиота, и в прямом, и в литературном смысле, – улыбнулась дама. – Каждый представляет Мышкина по-своему. Я – так. Делай, что говорят.

– Хорошо.

– Ну-ка, скажи четко «сестринский».

– Сестринский... – повторил Степа, не понимая, к чему она клонит.

– Понятно, я думала, ослышалась или нет... Ладно. Научим, это исправляется...

Степа, обескураженный, кивнул и ушел, даже не узнав, выйдя из аудитории, фамилию дамы. Не похоже было, что она к нему подкапывается, как англичанка, намерения которой со временем прояснились, и как некоторые другие дамы и девушки, но поверить до конца он ей не решился. «Возьмут...» Мало ли что бывает!

Домой он уже не успевал, позвонил родителям, сказал, что задержится у друга, уехавшего в Москву на заработки. «Ох, сынок...» – только и сказала мать, и не предполагавшая, где сейчас Степа. Он решил до поры до времени ничего не говорить зря родителям. Общежития на первых прослушиваниях не давали, ночевать ему пришлось на вокзале, это было неудобно и неприятно. В три часа его разбудили охранники, потребовали билет и документы. Пару раз к нему подсаживались странные личности, колобродившие по вокзалу всю ночь, предлагали выпить и просили денег. Сна практически не было. Но Степа утром умылся в туалете, почистил зубы, причесал рукой волосы, пожалев, что не взял с собой чистую рубашку и забыл про расческу, и поехал в другое театральное училище. Поверить, что в Щукинское – а вчера было именно оно – его взяли с одного прослушивания, он и утром не мог. Конечно, та дама четко сказала: «Тебя возьмут...», но кто она? Может быть, и никто. Степа ее не знал, в фильмах никаких не видел, на профессора она не очень похожа... Хотя как должен выглядеть профессор, преподающий актерское мастерство, Степа не знал.

Дальше он пошел в Щепкинское, где прослушивание вел известный актер, снимающийся в популярном сериале. Степа начал читать стихи Есенина, которые выучил для поступления, споткнулся под внимательным ироничным взглядом известного актера, и... забыл слова напрочь. Бессонная ночь дала себя знать. В голове гулко перекатывались три последних слова «стихов моих грусть, стихов моих грусть...» Почему-то ныли ухо и зуб с той же стороны, продуло, наверное, ночью.

– Ну и...? – спросил известный актер, постукивая огрызком ярко-оранжевого карандашика по столу. – А дальше что?

– Забыл, что дальше, – честно ответил Степа.

Актер и еще две женщины, слушавшие вместе с ним абитуриентов, засмеялись. Степа смутился. Так часто бывает. Он говорит абсолютно серьезно о важных вещах, а люди смеются, не зло, наоборот, с приятнью и симпатией. Но как себя при этом вести Степе – совершенно непонятно. Смеяться вместе с ними? Глупо. Молчать, насупившись? Еще глупее. Степа почувствовал, как краска стала заливать его щеки. Женщина, сидевшая справа от известного актера, что-то негромко сказала, наклонившись к нему. Тот кивнул, задумчиво рассматривая Степу.

– Откуда такой? – спросил актер. – Не из Москвы?

Степа помотал головой.

– Город большой у тебя? Издалека приехал?

Степа опять помотал головой.

– Неговорящий человек... Ну, это не беда, – усмехнулся актер. – Хуже, когда наоборот, как наш Хомячков был. – Он подмигнул женщинам. – Артистам разговаривать необязательно. Вышел, стоишь, молчишь, уже интересно... Значит, по адресу к нам пришел... Так... ну, давай еще что-нибудь. Проза какая у тебя?

– «Берег» Бондарева.

– Сцена какая?

– Там... размышление...

– Не надо. А басня какая?

– «Волк и Ягненок».

– А тебе кто больше нравится? – неожиданно поинтересовалась вторая женщина. – Волк или ягненок?

Степа растерянно пожал плечами.

Актер что-то негромко сказал, Степа не разобрал, обе преподавательницы кивнули, внимательно его разглядывая, одна даже сменила очки. Актер сказал:

– Да!.. Так, и тем не менее. Договори хоть один текст до конца. А то, может, у тебя памяти совсем нет!.. Ну, давай, смелей!

Степа начал читать басню, актер замахал на него руками.

– Стой! Что за буква «с»? Ты специально так жужжишь или дефект?

– Не знаю... дефект, наверное, – неуверенно ответил Степа.

Члены приемной комиссии переглянулись.

– Ясно. Ладно, иди.

Степа вышел, абсолютно уверенный, что здесь его не пропустили на следующий тур. Задержался случайно, потому что его облепили девочки и стали наперебой спрашивать, что было, они слышали из-за двери обрывки разговоров. Через пятнадцать минут дверь аудитории открылась, и девушка прочитала список из двух человек, прошедших из двух десятков абитуриентов на следующий тур: прошла очень толстая девушка с длинной пшеничной косой и он, Степа.

Ободренный и расстроенный одновременно – как он мог забыть стихотворение, которое так отлично знал? – он поехал еще в Школу-студию МХАТ. Там всё практически повторилось. Стихотворение ему до конца дочитать не дали, попросили произнести фразу, где были одни «с»: «У Сени и Сани в сенях сом с усами». Степа, путаясь, кое-как повторил скороговорку.

– Ужас, – сказал тот, кто сидел в центре. – Но ты нам нравишься. Животное какое можешь показать?

– Зайца, – ответил Степа, чуть подумав.

Комиссия из трех человек и пара студентов, помогавших со списками абитуриентов, захохотали. Степа тоже стал смеяться.

– Ну какой ты заяц? Ты себя в зеркало видел?

Степа кивнул.

– Давно? А то ты нечесаный. Нечесаный... гм... Аполлон, который думает, что он заяц.

И все снова засмеялись.

– Я на вокзале ночевал, – негромко сказал Степа, подождав, пока они отсмеются, и понимая, что выглядит очень плохо. – Я бродячую собаку могу показать.

– Ладно! – махнул на него рукой тот, кто сидел в центре. – Занимался где-нибудь в театральном кружке?

– Нет.

– Это хорошо. Петь умеешь?

Степа кивнул.

– Пой.

Степа подумал и завел русскую народную «Выйду на улицу...» Комиссия замахала на него руками.

– Хватит! – хохоча от души, попросил главный и сказал что-то негромко остальным. Те согласно заулыбались. – Танцуешь?

– Ну да...

– Так же?

– Получше.

– Вот и хорошо. Подойди поближе. Ты куда еще пойдешь?

Степа неуверенно пожал плечами. Как быть в такой ситуации? Врать неприятно, что хотят от него – не совсем понятно. Все ведь абитуриенты ходят с прослушивания на прослушивание, туда-сюда, где больше повезет. Стоя накануне в очереди в Щепкинском, он слушал разговоры и понял, как надо.

– Что? Везде бегаешь? Не бегай. Сюда сдавай документы, мы тебя сразу на третий тур пишем, ясно? Программу только поменяй.

– «Идиота» взять? – спросил Степа.

– Почему «Идиота»? Ну, можно и «Идиота»... Нет, почитай что-нибудь Довлатова. Со смыслом так, остренько... Хорошо?

– Нет. – Степа помотал головой.

– В смысле – «нет»? – удивился главный. – Не знаешь Довлатова?

– Знаю. Он мне не нравится.

Главный отмахнулся:

– Ерунду не говори. Актер – белый лист. Сразу запомни это. Что напишут тебе, то и будешь говорить. И никто твоих «нравится – не нравится» не спросит. Вот станешь народным, тогда будешь всем про свои литературные вкусы и политические убеждения рассказывать. Интервью давать, на митинги ходить, махать красными или белыми флагами. В Думе за большие деньги кемарить и фотографироваться. А пока делай, что говорят.

Степа кивнул, но решил, что сюда он точно не пойдет. Атмосфера здесь не очень. Ведь получается, что ему уже есть из чего выбирать. Оставались еще ВГИК и РАТИ, Театральная академия, которую все девочки (абитуриенты

оказались в основном девочками) называют почему-то ГИТИСом. Степа прикинул, что до конца дня он успеет лишь в одно место, пошел в ГИТИС, до которого по центру Москвы легко было дойти пешком. Без навигатора в телефоне Степа запутался бы, на телефоне у него кончились деньги, но за ним увязались две девчушки, которые щебетали всю дорогу, наперебой пытаясь ему понравиться. По дороге они перекусили в кафе, Степа взял себе только чай, но девушки от души угощали его булочками и даже купили ему салат. Степа отбивался до последнего, убеждая девочек, что сыт и на еду смотреть не может, но когда одна из них решила выбросить то, что они, оказывается, купили ему, Степа, чувствуя себя ужасно, быстро всё съел, пообещав себе больше никогда так не делать.

В Театральной академии курс набирала известная пожилая актриса, Степа хорошо помнил старые фильмы с ее участием, их любила мать. Актриса мало изменилась, постарела, но была очень похожа на себя молодую.

– Какой ты... – хмыкнула актриса, с интересом разглядывая Степу. – Из театральной семьи?

– Нет.

– Жаль. А я думала ты... Ну, неважно. Похож просто. Ну, читай.

Степа начал с Есенина, быстро сбился, попытался читать заново.

– Ладно, – остановила его актриса. – Монолог какой-нибудь знаешь?

– Я отрывок из Бондарева готовил...

– Сам готовился? – прищурилась актриса. – Это хорошо.

– Почему? – искренне удивился Степа.

Актриса улыбнулась.

– Хуже нет, когда из кружков приходят. Их сразу видно. Детей жалко, такие умельцы испорченные-перепорченные... «Я и так умею, я и то вам покажу...» А

внутри – пустота. Пустые кривляки. Так, ну-ка, отойди подальше. Еще, еще дальше... Вот так, у окна встань, да. Покричи что-нибудь, позови меня.

– А... – растерялся Степа. – Как вас зовут?

– Ты не знаешь, как меня зовут? – усмехнулась актриса.

– Я... я отчества не знаю, – нашелся Степа.

– Григорьевна, – подсказал ему кто-то. – Людмила Григорьевна.

– Да не надо по имени! – отмахнулась та. – Просто кричи, зови, чтобы я к тебе шла, кричи: «Э-э-эй! Сюда, иди сюда!» Можешь на «вы», если тебе проще так. Зови, как будто пожар, наводнение, как будто ты на крыше дома стоишь, а вода подступает, подступает, ну, давай!

Степа стал кричать, а все – смеяться.

– Хорошо, – сказала Людмила Григорьевна. – Всё, не надо больше. Да, дружок... И что нам с тобой делать? Деревянный ты топор. Даром что нигде не занимался. Но уж очень хорош. Ну, не стой там... м-м-м... – Актриса глянула в списки абитуриентов, лежавшие перед ней. – Степа Васильков... иди сюда, Степушка, присядь к столу. Во-он там стульчик себе возьми.

Степа подошел к столу комиссии вместе со стулом, но садиться на него не стал. Актриса подняла иронически брови, улыбнулась.

– Какой же ты... Лет сколько? В армии служил? Нет, наверно?

– Служил.

– В каких войсках?

– В морпехе, – с гордостью ответил Степа. Может, хватит уже смеяться над ним? Не то чтобы обидно, просто непонятно – что такого в нем смешного?

– Ты? В морской пехоте? Что, и отжаться можешь? – улыбалась актриса.

– Пятьдесят семь раз, – похвастался Степа.

– Отжимайся!

Степа в растерянности взглянул на актрису, лег на пол, стал энергично отжиматься.

– Всё-всё, хватит!.. Я пошутила же... Хватит ржать! – остановила она остальных. – Вот какой у нас Степушка молодец! – похвалила она так по-родственному, так по-доброму, что Степа решил: всё, больше никуда он не пойдет. Если здесь возьмут, здесь и будет учиться.

– Степушка, а что же мы с твоим присюсюкиванием будем делать? Пятьдесят семь отжиманий – это хорошо, конечно, а говорить-то мы как будем? С логопедом заниматься обещаешь? Исправишь дефект?

Степа кивнул как можно увереннее.

– Вот и ладно. Лена! – подозвала актриса девушку, отмечавшую что-то в списках. – Пиши: Василькова сразу на творческий экзамен.

– На третий тур? – уточнила девушка.

– Я говорю тебе – на экзамен. Он уже прошел все туры. Вальс танцуешь? – подмигнула ему вдруг актриса.

Степа, не привыкший к таким резким переменам темы, к шуткам, похожим на серьезные вопросы, и наоборот, от растерянности не понял, что она спрашивает. Актриса встала и подошла к нему. Она оказалась довольно высокого роста, с очень хорошей фигурой для ее возраста, стройной, ладной. Людмила Григорьевна протянула ему руку.

– Лена, напой нам вальсок какой-нибудь! – кивнула она всё той же девушке.

Та неожиданно красивым густым голосом запела мелодию. Актриса взяла за плечо и за руку Степу и сама повела его. Степа раз наступил ей на ногу, два, три... Людмила Григорьевна засмеялась и остановилась.

– Да, ладно. Ничего. Пусть другие танцуют. Тебе можно просто так стоять и смотреть. Но я тебе этого не говорила! – Она шутливо щелкнула его по носу.

Степа уловил легкий горьковато-сладкий запах ее духов.

– Всё. На экзамен причешишься, нормально оденься... У тебя есть другая одежда? – понизила она голос.

Степа кивнул.

– Точно? – Актриса внимательно смотрела на него.

– Да. Дома. Я не в Москве живу.

– А деньги есть съездить домой?

Степа опять кивнул.

– Нет, послушай, ты, во-первых, давай-ка учись разговаривать, у тебя очень красивый голос. И если я тебя спрашиваю, я ведь что-то имею в виду. Так, как сейчас, приходить на экзамен не нужно. Оденься хорошо, брюки или можно джинсы, если брюк нормальных нет, но чтобы чистенько, отутюжено... Рубашку светлую обязательно, никаких футболок... Тебе не идет бомжеватый стиль, ты – герой, понимаешь?

Она говорила негромко, но все замолчали и слушали ее. Степе было крайне неловко, как будто с ним договариваются о чем-то непопуганном, незаконном.

– Да, хорошо, я оденусь... – пробормотал он и поскорее выскочил из аудитории.

Когда он спускался по лестнице, его догнал молодой человек, всё время молча сидевший рядом с актрисой.

– Эй! – небрежно и громко окликнул он Степу. – Телефон свой давай.

Степа удивился, но достал из кармана телефон.

– Деньги всё равно кончились, – сказал он и протянул парню телефон.

– Ну, ты лох... – покачал тот головой. – Короче, Людмила Григорьевна попросила взять твой номер, а ты, лох такой, его не дал. Кому!.. Самой Арефьевой.

Да, точно, Людмила Арефьева, Степа наконец вспомнил ее фамилию.

– Почему не дал? – удивился Степа. – Девятьсот тринадцать, семьсот тридцать три, пятьдесят шесть, пятнадцать... А зачем ей мой номер?

– Вот и я думаю – она без твоего номера отлично проживет. Так что – не забудь, ты номер не дал. Отказался! В грубой форме!

Степа растерянно смотрел парню вслед.

* * *

...На какое-то время сон его ушел. Степа вечером ложился спать, засыпал и просыпался минут через сорок. И лежал в темноте, думал, думал, утыкаясь всё в ту же стену.

Пару дней назад ему позвонила Людмила Григорьевна.

– Степушка, как твои дела? – спросила она спокойно и ласково.

Степа поздоровался, помолчал и нажал отбой. Что он может сказать народной артистке, так любившей его все годы обучения, поставившей на него дипломный спектакль? Искавшей и нашедшей роль, в которой он, Степа, топор топором, даром что самый красивый топор, был хорош и убедителен? Что он ей теперь скажет? Что дела его плохи? Что он в тупике? Что прошло два года с выхода фильма и он никому не нужен – никому вообще? Что всё так запуталось, что лучше бы не было этого его лица, с которого воды не пить, которым он не умеет

торговать... Что еще ему говорили про его лицо? Чего только не говорили... Расписываться в своей слабости и рассказывать о неудачах он не будет.

Людмила Григорьевна звонить больше не стала, написала ему в сообщении лишь одно слово: «Зря». Еще минут через пятнадцать она написала: «Я тебя люблю, как сына, ты знаешь. Звони в любое время». И Степа бы позвонил, прямо сейчас. Но что он ей скажет?

На курсе он был героем, как Арефьева и обещала ему. Во всех отрывках играл хорошие, большие роли. В дипломном спектакле – главную роль. Гамлет... Многие всю жизнь мечтают об этой роли. Степе до последнего казалось, что он не справится, не вытянет роль. Или так казалось тем, кто тоже хотел играть Гамлета, а таких ребят было как минимум трое, Степа постоянно слышал смешки, издевки, многие так и не смирились, что Арефьева была к нему неравнодушна. Чего только не приплетали за годы учебы! Начиная с того, что он ее любовник, и заканчивая тем, что на самом-то деле он ее внебрачный сын, которого она много лет скрывала. Никто ничего не видел, и доказать было невозможно, потому что ничего и не было, кроме теплой дружбы и заботы Людмилы Григорьевны, но болтали всё что хотели.

Тот парень, который назвал его «лохом» после прослушивания на поступлении, оказался молодым педагогом. Именно ему пришлось исправлять дефект Степиной дикции, присвистывающий звук «с». Возможно, будь кто другой на этом месте, дефект бы и удалось исправить. Анатолий Сергеевич же, преподаватель техники речи, невзлюбил Степу так, что тот после его занятий физически чувствовал себя плохо. Сколько раз Степа хотел что-то с этим сделать, поговорить серьезно с педагогом, разобраться, всё хотел поделиться с Людмилой Григорьевной, но так и не собрался. Экзамен по сценической речи он сдал, поставили ему твердую четверку за красивый голос и хорошую, четкую дикцию... если не учитывать свистящее «с». Людмила Григорьевна, проболевшая весь четвертый курс, приходившая в академию редко, отвела его в сторону после экзамена и сказала:

– Всё равно этот дефект тебе нужно убирать. Я всё понимаю, Толя тебя закапывал, мне говорили. Ты не жаловался, другие пожаловались за тебя. Но ссориться я с ним не могла, прости меня. Он мальчик блатной, на этом месте не случайно, уже завкафедрой, хотя ему тридцати пяти нет. Ты знаешь – денег у нас никаких, но здесь люди не за деньги работают. Ему прочат повышение – прямо высоко-высоко. Еще удивимся с тобой, куда Толя пролезет. Точнее, куда

его протолкнут. Придем завтра с тобой, а перед Толей красную дорожку раскатывают, кланяются в пояс. А он нам с тобой говорит: «Иди-ка ты, Людок, отдыхай. Дыши воздухом в ближайшем Подмосковье, сажай свёклу. И у любимчика твоего белый билет, забирай его с собой». Так что, Степушка... В кино тебя озвучат, вот мне хорошую роль для тебя друзья обещали... А как с театром быть – непонятно. Для комика еще куда ни шло так разговаривать, а для героя...

Степа был рад, что учеба подошла к концу. К своему дефекту речи он серьезно не относился. На четвертом курсе его стали приглашать сниматься – в фоторекламе, в дипломный фильм выпускника ВГИКа, который тут же получил премию на небольшом кинофестивале. Сниматься ему понравилось гораздо больше, чем работать на сцене. На съемочной площадке, где всё можно переделать, сыграть еще раз, а то и ничего не играть – просто смотреть в ту точку, куда попросили, он чувствовал себя гораздо свободнее, чем на сцене.

– Расскажи-ка мне, сынок, чем ты занимаешься, – подступился к нему отец, когда после долгого перерыва Степа приехал к родителям, сдав госэкзамены.

Тогда еще не было Мазорова, не было его знаменитого фильма «Игра», после которого всё должно было прийти к Степе, а произошло всё в точности наоборот... Тогда еще можно было спокойно пройти по улочкам своего города.

Когда долго не приезжаешь домой, то поначалу кажется, что всё стало меньше: улицы – уже, дома – ниже. Потом этот послемосковский эффект проходит.

На улице, где жили родители, оставались еще деревенские дома рядом с обычными четырехэтажками. Два соседних старых дома, в одном из которых когда-то жила девочка Тоня, которая очень нравилась Степе в школе, снесли. Новый хозяин на двух участках выстроил страшненький замок, темно-серый, с ярко-фиолетовыми башенками, узкими высокими окнами. Из такой башенки как глянет на тебя злая волшебница разными глазами – черным и зеленым... И ты поймешь – вот что случилось на самом деле с Тоней... И вовсе она не уехала в Москву за ненадежным столичным счастьем... И вовсе она не загуляла, не изменилась так, что лучше бы ее не встречать, не знать, что стало с милой тонкой девушкой с пепельными волосами и такой светлой улыбкой... Просто ее забрала волшебница и заколдовала. Мать смеялась: «Хорошо, что ты, Степик, вырос. Ты же у меня впечатлительный мальчик, представляю, как бы ты нервничал из-за этого замка в детстве...»

Степа гулял по городу и замечал, что изменилось за тот год, когда он никак не мог приехать к родителям, вырваться, хотя ехать не так уж и долго. Городок их находится в стороне от железной дороги, прямой автобус из Москвы идет в очень неудобное время, долго, колесит по области, и всего раз в день. Поэтому добираться надо на перекладных. В прошлом году Степа первый раз приехал к родителям на своей машине. А в тот раз ехал еще на трех автобусах.

В центре города был старый кремль, который начали было восстанавливать, заменили тротуары вокруг, подновили купола, прорыли ров для новых коммуникаций, да так и бросили, закончились деньги. Приезжающие туристы с опаской обходили ров, фотографировали кремль с лесами, ставили все в Сеть, сделав плохую рекламу их и без того не очень популярному для гостей старинному городку. Может, оно и неплохо, что людей стало в разы меньше, но постепенно обветшали и закрылись не только все производства, но и три из пяти маленьких гостиниц, несколько кафе, лавки с сувенирами.

Степа вышел к небольшому озеру, на берегу которого когда-то поселились те, кто заложил их город. В детстве он с мальчишками проводил на этом озере всё лето, май и сентябрь. Но постепенно выход к воде то здесь, то там закрывали. Частные дома не разрешали строить прямо на берегу, но кто же в то время слушался этого запрета!.. Часть приозерной территории принадлежала местному бандиту Купцу, Витьке Купцову, учившемуся когда-то вместе со Степиным отцом в школе. А соседствовали с ним местные прокурор и начальник полиции, с двух сторон, словно охраняя Купца. Заборы не доходили до воды на полтора метра – закон вроде никто и не нарушает. Можно было, конечно, и с воды подплыть, и по берегу пройти... Но кому придет в голову зайти в гости к Купцу или прокурору. Как-то сунулись было китайские туристы, вовремя унесли ноги от собак и охраны. В Интернете потом долго ходило видео – как бегут китайцы в ярких панамках, под зонтиками, а за ними – вооруженные люди и овчарки. Каким-то чудом никого не покусали, но у экскурсовода были большие проблемы – думать надо головой, соображать, куда водить иностранцев, а куда нет.

В последние десять лет озеро стало грязным, кто-то спускал в него канализацию, и очистные сооружения не помогали. Родители советовали Степе в воду не лезть. Родители вообще много хороших советов Степе давали, только он их не слушал.

– Так чем же ты занимаешься, сынок? – спросил тогда отец, внимательно прочитав Степин диплом и отложив его в сторонку. – Всё прыгаешь да скачешь? А работать когда?

– Так я артист, пап... – растерялся Степа.

– Ну, хорошо. А где работать будешь?

Степа нахмурился. Это вопрос. Пока с их курса в театр взяли одну девочку, и то в такой театр, о котором никто не слышал. На выпускном капустнике главной темой их номеров было, где же они, бедные безработные артисты, будут зарабатывать свою копеечку. Степа тоже участвовал в капустнике, хотя он один из выпускающихся шестнадцати ребят и девчонок уже снимался в рекламе и короткометражке, поэтому на него смотрели косо, впрочем, как обычно. Поводов для этого было предостаточно. В больших двух-трёхдневных пьянках в общежитии, с ночными драками, проститутками, кокаином, которые регулярно происходили по поводу и без, он участия не принимал. Арефьева на самом деле к нему относилась, как к сыну, а некоторые упорно считали, как к фавориту. Девочки почти все пытались как-то с ним сблизиться, но доходили до стадии «лучшая подруга» и дальше упирались в вежливый отказ.

Был даже и влюбленный в Степу педагог, который вел у них два года общеобразовательный предмет. Педагог тоже обхаживал Степу, оставлял его после семинаров на душевные разговоры, приглашал в поездки по Золотому кольцу и в подмосковное шале с баней и, разочаровавшись Степиными отказами, холодностью и неприступностью, поставил ему на экзамене тройку, лишив стипендии на семестр. Но поставил же...

– Ты такой красивый, Степка, – сказала напоследок ему Вера, единственная девушка, с которой он хотел бы жить, просыпаться рядом с ней утром, мечтать о детях, путешествовать.

С ее лба он сдувал легкую светлую челку, Веру можно было взять на руки, не ощущая ее веса – в ней не было веса, один свет, нежность, тонкий сладкий запах земляники. Таких духов нет, невозможно сделать такие духи. Так может пахнуть только нежная, чистая, девичья кожа.

– Красивый. А что мне с твоей красотой делать? С лица воды не пить... – Сказала и ушла.

Степа не стал ее останавливать, потому что Вера уже один раз уходила от него, но вернулась. И теперь он думал, что пройдет неделя, другая, может быть, месяц, и она соскучится, потому что она точно его любила не меньше, чем он ее. Но через месяц Вера, художница по костюмам, окончившая в прошлом году институт, вышла замуж за молодого продюсера, армянина, уже участвовавшего в выпуске нескольких телевизионных сериалов и теперь организовавшего свою собственную продюсерскую компанию.

Для Степы Верино замужество оказалось последней каплей. После этого он стал каждый день покупать вино – деньги на вино и закуску у него еще оставались. И пытался напиваться. Первые дни это было даже весело. Степа включал телевизор, разговаривал с телеведущими, потом подступала горечь, тоска, он оставлял включенным телевизор, а сам засыпал, и ему казалось, что в квартире много народу, кто-то смеется, кто-то громко говорит, спорит... Но дней через семь-восемь организм его сказал: «Хватит!» И весело от вина ему больше не было никогда. Сразу накатывались тоска, ужас, чем больше он пил, тем тоскливее и безвыходнее представлялась ему его жизнь.

Степа пытался менять напитки. Коньяк – не помогал. Пять минут тепло, вот-вот наступает хорошее настроение и... всё. Слезы и тоска. Вино – тем более. Сколько его надо выпить, чтобы упасть в крепкий, долгий сон, из которого так мучительно выбираться на белый свет. Водка – болит от нее желудок. Степа пробовал есть, заедать плотной закуской, но вместо опьянения и забытья его тошнило, и потом долго болела печень. Степа вспомнил, как в общежитии парни делали «ёрш», мешали пиво и водку, это очень быстро действовало. На него тоже быстро подействовало, только в другом смысле. Ему стало так плохо, что неделю пришлось не пить вообще ничего.

– Зачем ты пьешь? – вдруг спросила его сегодня та самая соседка, которая живет с сыном и которую зовут, как и его любимую девушку, Верой.

Степа и внимание обратил на нее первый раз, когда услышал, как консьержка окликнула ее по имени-отчеству. Вера Артемьевна... Плотное, теплое, изящное имя, как шарфы, которыми она оборачивает свою нежную длинную шею...

– Так зачем?

От этого вопроса Степа очень растерялся. Откуда она может знать, что он пьет? Он же пьяный по подъезду не ходит, окурки не собирает, он по-прежнему хорошо одет, из окна песни не орет. Когда пьяный, то просто плачет дома, и всё.

Степа не нашелся что сказать.

– Ведь это ты снимался в «Игре»?

Степа кивнул.

– Да? Непохоже. Там совсем другой человек.

– Меня там в шатена покрасили... – пробормотал Степа.

– Да дело не в шатене...

Соседка с такой жалостью посмотрела на него, что Степе стало не по себе. Это не очень приятное ощущение. Красивая, тонконогая, с высокой грудью, так хорошо говорит, приятное свежее лицо, и смотрит на тебя с жалостью...

– У него уши торчат! – громким шепотом объяснил ей сын, который на секунду оторвался от телефона. – А в фильме не торчат!

Степа улыбнулся.

– Да. В этом дело.

Соседка тоже улыбнулась, но как-то непонятно, тоже как будто с жалостью.

– Ну, если только в этом... А что пьешь-то?

– Разное... – пробормотал Степа, готовый провалиться сквозь землю. И как назло лифт никак не идет...

– Нет! – засмеялась соседка, и Степа даже засмотрелся, какая у нее красивая улыбка. – Я имею в виду – почему пьешь? Прости, конечно, за такой вопрос.

Степа не знал, как к ней обращаться – на вид ей лет как ему... Двадцать семь, двадцать восемь... Но тыкать как-то неловко. А она разговаривает с ним на «ты», но не как с другом, а как разговаривают с собакой или, на худой конец, врач с пациентом... Может быть, она врач и привыкла так общаться?

Степа от неловкости лишь махнул рукой и вышел из подъезда, благо рядом с дверью лифта был и черный ход. Когда дверь уже почти закрылась, Степа обернулся и сказал Вере:

– Это не я.

– Нет? – засмеялась соседка. – А все говорят, что ты.

– Нет, – покачал головой Степа. – Точно не я. Не я снимался. Просто похож.

Соседка продолжала смеяться, переливчато, весело. Степе стало ужасно обидно. Из-за чего она сейчас смеется? Вернуться, спросить? Он помедлил у закрывшейся двери и пошел прочь от подъезда. Если бы вернуться назад... А в какую точку? Он часто теперь об этом думает – куда надо вернуться, чтобы всё пошло по-другому.

Степа шел мимо стройки, начавшейся, как только он заехал в дом. Дом, в котором была его квартира, был построен у сквера. Новостройка так и называлась: «Поместье у сквера». Почему «поместье», Степа понять не мог. Дом торчал как толстый гвоздь посреди района – двадцатисемизэтажный, простой, серо-белый, с одинаковыми квадратными окнами, одним подъездом и двумя входами – парадным и черным, из которого он сейчас убежал от смеха и вопросов соседки Веры. Такое редкое имя. И встречается ему уже второй раз. Зачем? Чтобы он поверил ей, как поверил той Вере... Та – Вера Маратовна. Эта – Вера Артемьевна. Те же самые буквы, перемешаны по-другому. Но ведь они совсем разные, эти женщины. И чем-то очень похожи. Нежностью, светом, загадкой... Только его Вера – крохотная, как Дюймовочка, а эта Вера – высокая, почти с него ростом, когда на каблуках. Почему она смеялась ему вслед?

Женщины часто смеются по совсем непонятным причинам и не смеются, когда на самом деле смешно. Как счастливо смеялась его Вера, как смотрела на него – до самого последнего дня. И ушла, ничего не сказав. Не просто ушла – замуж вышла! Степа видел в Инстаграме ее фотографии с мужем. Счастливое хохочущее лицо, нежные губы, светящиеся от счастья глаза...

Степа помотал головой. Не хочется сейчас думать об этом. Со стороны стройки раздавался страшный грохот. Сквер спилили за два дня и месяц рыли землю, чтобы сделать котлован. Рыли и увозили землю – на их улице стояла вереница грузовиков, которые по капельке увозили почву, чтобы залить на ее место бетон. Котлован получился такой огромный, что можно было подумать – это для не фундамента дома, а для того, чтобы построить подземный дом. Кто-то из соседей объяснил Степе, что дом будет пятидесятиэтажный, и гараж, соответственно, пятиуровневый... А теперь вбивают сваи – сколько нужно вбить их в землю и каких! – чтобы выдержали такую махину... Судя по расположению котлована, новый дом полностью перекроет Степин, и солнца не будет в квартире никогда. Сейчас солнце есть, с двенадцати и до вечера. Можно сидеть и смотреть в окно, наблюдать, как солнце идет по небу, медленно и неумолимо, и ничто и никогда не заставит его повернуть обратно...

Степа брел, особенно не разбирая дороги. Шел и шел. Приблизительно как по жизни. Только вот жизнь его затормозила и заставляет что-то менять, что-то решать, в чем-то разбираться. А он совершенно к этому не готов. Ведь так не должно было быть. Шло-то поначалу все нормально!

Он окончил девять классов, училище, отслужил в армии, сразу поступил в театральный, полгода тыркался туда-сюда, работал в одном небольшом театре, на разовых в другом, денег было мало, но несколько раз выручали реклама и Людмила Григорьевна, которая иногда подкидывала ему халтурку – Степа помогал ее знакомой на открытиях выставок. А потом наступил тот день, которого ждут все актеры. Кто-то дожидается и понимает – он всегда знал, что это придет. А кто-то не дожидается, хотя он всегда знал, что такой день обязательно наступит, когда ему позвонят и скажут – вас на пробы на главную роль, один вы и остались, всех остальных уже посмотрели и забраковали.

Степа вспомнил, как он ехал на пробы к Мазорову. Может быть, это и есть та точка, когда нужно было свернуть, уйти с этого пути вообще? Ведь у него были тогда сомнения. Он все думал, что же именно ему могут предложить, если даже главную роль, то какую? Он уже знал обо всех своих особенностях, из-за которых

в театре, что в одном, что в другом, ему было некомфортно. На курсе этого как-то не чувствовалось благодаря Людмиле Григорьевне, которая и не скрывала своего пристрастного отношения к нему, мало того, всегда, смеясь, говорила, что художник по природе своей пристрастен и субъективен, и у некоторых людей творческие ошибки интереснее, чем чьи-то удачи. Степе эта фраза казалась совершенно загадочной, как, впрочем, и многое из того, что говорила Людмила Григорьевна и другие педагоги.

Вдаваться в тонкости профессии, читать что-то он не хотел, как и многие его товарищи. Читали в основном те, кто собирался дальше учиться, становиться режиссерами или продюсерами. А актеру иногда лучше не знать целиком всего о спектакле. Актерская душа и тело – живой инструмент, и есть вещи, которые происходят подсознательно. Чтобы быть органичным, нужно во всем оправдать своего героя, как почти всегда оправдываешь себя в жизни. Начнешь себя ругать и вовремя не остановишься – погибнешь.

Степа хорошо помнил, как он шел тогда по территории знаменитого «Мосфильма», оглядываясь. Нет, никаких известных лиц он не видел. Кругом очень хорошие машины, что-то перестраивают, какие-то корпуса обветшали... Потом он долго плутал по бесконечному корпусу, поднимался по лестницам, шел по переходам, сильно опоздав к назначенному времени. Когда нашел нужную комнату, там уже сидело человек восемь – на черном ободранном диване, на стульях у стены и за столом.

– А! – сказала ассистентка. – Пришел. Так, погоди... Ты же у меня Васильков, правильно? Васильков, Васильков... – Женщина с любопытством его разглядывала. – Да-да-да... Степан, правильно?

Степа кивнул. Лучше помалкивать до поры до времени. Дефект речи могут сразу и не заметить. Одно время он пытался ловко выбирать слова, где нет звука «с», научился быстро переделывать на ходу все предложения. Но иногда это мешало ему общаться с собеседником. Поэтому он просто стал говорить меньше. Переучиться и правильно говорить «с» у него так и не получилось. Он несколько раз дополнительно занимался с преподавателем техники речи, не с Анатолием, с другим, делал упражнения, но то ли мало старался, то ли что-то не срабатывало – механизм запоминания нового никак не включался, и, сколько бы он ни занимался, ни говорил скороговорок, его свистящее «с» так и свистело, спотыкалось на зубах, меняло серьезные сцены, делая их смешными, на радость однокурсникам, которые не устали за четыре года обучения смеяться над

Степиным дефектом. Театральные же роли после окончания института у него были такие ничтожные, что дефект его не мешал.

В одном театре он в утреннем детском спектакле играл медведя, который время от времени ходил по сцене и рычал. У него была неожиданная задача – текст на самом деле был написан, но режиссер просил этот текст не говорить совсем. Запомнить, но все слова заменять рыком. Это было очень смешно, дети радовались, партнеры – тоже. Степа уставал от этой роли невыносимо. Казалось бы – отчего тут можно устать? Не шпалы носить, не уголь копать... Все смеются... Но после того, как он полтора часа рычал на сцене, Степа старался как можно больше со всеми разговаривать. Говорил, говорил, просто так, чтобы говорить, словно боялся забыть речь... Ведь так удобно и даже приятно в какой-то момент издавать только страшные нечленораздельные звуки. В голове что-то отключается, ты словно перестаешь быть самим собой. Потом наваливались усталость и тоска, как от вина. Степа прорычал так всю осень и зиму – спектакль играли в каникулы и в выходные, зал был крохотный, поэтому играли часто, – и ушел.

Во втором театре у Степы трудовую книжку не взяли, но зато сразу дали роль в пьесе Чехова. Он ее репетировал три месяца, пытаясь понять, почему же герою всё время так грустно и грустно – любить грустно, есть грустно, писать письмо грустно, гладить собаку грустно... Кажется, понял. Нашел что-то созвучное в своей душе. Режиссер его хвалил. А потом вернулся со съемок в Казахстане другой актер, за два дня ввелся, и Степа сел в зал. Сидел два месяца, слушал, смотрел, запоминал новые мизансцены, пришел на премьеру, на второй спектакль, который мог бы сыграть он по закону театра, который никто никогда не соблюдает – нет в творчестве законов, на то оно и творчество, а не бухгалтерия... И... опять ушел, чтобы не провалиться надолго в глубокую вязкую яму депрессии, где нет света, нет смысла, нет дороги. Сидеть молча, без движения, никому не нужным и не интересным, шесть часов в зале, ничего не делая, было просто невыносимо. Стоять в сторонке на премьере, которую ты не сыграл, – тоже. Режиссер тогда ему сказал, пожимая руку на прощание: «Я тебя понимаю, давай, ищи себя! Попробуй, может, в мимансе что-то выйдет? Ты красивый, пластичный... К глухонемым сходи, у них театр хороший...»

– Кофе будешь? – спросила помреж и подмигнула ему. – Красивый ты... Даже лучше, чем на фото. Я думала, в фоторедакторе себя сделал... – Она заглянула в соседнюю комнату. – Петр Андреич! Пришел Васильков!

– Пусть зайдет! – услышал Степа хорошо знакомый голос, с легкой хрипотцой, с легкой ленцой, с легкой усталостью от всего и вся, которая так привлекательна, так загадочна... Сколько же у него было всякого за сорок лет, если он уже так устал...

Степа молча зашел и улыбнулся.

– Опа! – сказал Мазоров. – Абсолютный герой! Давай еще раз. Кстати, привет.

Степа не понял, что именно «еще раз», и на всякий случай опять улыбнулся.

– Шикарно. Вот так и стой!

Степа в замешательстве провел руками по волосам. К нему подошла женщина и, ни слова не говоря, убрала ему волосы со лба, пребольно зажав их руками.

– Так? – спросила она Мазорова.

Тот скривился:

– Не-а.

Женщина ловко перекинула волосы на одну сторону.

– Так?

– Не-а. Не блондин он. Не вижу блондина.

– Искали же блондина, Петр Андреич...

– Раньше видел, теперь не вижу.

– Покрасим, Петр Андреич.

– Ага... Повернись-ка спиной... Давай-давай! – Мазоров небрежно махнул рукой.

Он разглядывал Степу, и все остальные разглядывали его, а тот не знал, куда деваться от смущения. Конечно, он дипломированный актер, и Гамлета играл в дипломном спектакле, плохо, но играл, и Чехова репетировал, и сорок раз медведя изображал, но зачем же так-то? Как будто он конь, а не человек... И коню бы было обидно...

Степа оглянулся, увидел свободный стул у стены и сел.

– Вот так, значит? – засмеялся Мазоров, и за ним – все остальные. – Характер? Это хорошо. Когда ваш товарищ совсем без хребта... Наш товарищ, – поправился он. – Это не катит. Хотя с характером тоже не катит. Ну, поговори. Давай, давай!..

Степа удивленно взглянул на Мазорова. Не таким он себе его представлял. Мазоров всегда играл таких замечательных людей, душевных, теплых, открытых...

– Расскажи о себе, – кивнул ему Мазоров. – Хочу послушать, как ты говоришь. Ну?

– Я окончил ГИТИС... – начал Степа.

– Что сделал? – захохотал Мазоров.

Степа замолчал.

– А как же ты окончил-то с таким дефектом речи? Ты не придуряешься?

Степа помотал головой, встал и хотел уйти.

– Куда-а-а... Ну-ка, девки, в дверях встаньте и молодца этого мне не выпускайте. Ладно, придумаем. Озвучим. Отжаться можешь? Бегаешь, прыгаешь? Или каскадеров вызывать будем?

– Шестьдесят раз, – сказал Степа.

– Что «шестьдесят»? – не понял Мазоров.

– Отжимаюсь шестьдесят раз, – как можно твёрже повторил Степа.

– Ну, шестьдесят не надо, – ухмыльнулся Мазоров. – Машину водишь?

– У меня нет машины.

– Так и у меня нет машины! – засмеялся режиссер. – Разве это машина? Так, развалюшка какая-то... старьё прошлогоднее... Не водишь, значит?

Степа опять помотал головой.

– Ты правильно делаешь, что помалкиваешь, – кивнул Мазоров. – У кого учился?

– У Арефьевой он учился, – подсказал кто-то.

– Что ж тебя Людмила Григорьевна с таким дефектом выпустила? – покачал головой знаменитый режиссер. – Ну, ладно. Жаль. Тембр у тебя красивый. Если б таким голосом говорил мой герой, я бы не отказался. Ну что, давай мы тебя на всякий случай поснимаем...

Мазоров кивнул помрежу, та – ассистенткам, те тут же сорвались с места, побежали готовить свет.

– А то вдруг снимем тебя, а ты другой какой-нибудь окажешься. Ты работаешь, кстати?

– Нет. Сейчас нет.

– Вот и хорошо. Нам это даже удобно. А как снимешься у меня – если я буду тебя снимать, конечно, – Мазоров подмигнул Степе, – то и все театры за тебя драться будут.

– А... какая роль? – Степа решил всё-таки спросить. Не оказался бы опять какой-нибудь медведь... С нечеловеческим рыком.

Мазоров прищурился:

– А ты какую бы хотел?

Степа понимал, что знаменитый Мазоров – сам актер, и неплохой, о чем он думает на самом деле – не поймешь. О чем думает, что хочет сказать, что имеет в виду... Ничего не поймешь. На всякий случай отвечать тогда Мазорову не стал. Да и не такой он дурачок – понятно же, раз все собрались и смотрят, раз ищут и ищут и найти не могут, двадцать девять претендентов уже забраковали, значит, роль-то немаленькая, важная, скорее всего – положительная. На отрицательного героя его не позовут.

Степа свернул из дворов в парк, шел теперь по широкой аллее, усыпанной листьями, и думал, что, наверное, самая большая загадка живой природы – это наш мозг. Но есть еще бо?льшая загадка – наша душа. Мозг силится понять, что такое он сам, что такое душа, есть ли она вообще, нисколько не сомневаясь, что он-то сам есть... Раньше Степа не любил таких размышлений. А сейчас не может не думать. Почему? Что изменилось в нем? Уперся в стену? Приближаются тридцать лет, первые итоги?

Вот куда он сейчас идет, зачем? Почему раньше вопрос «зачем?» не приходил ему в голову? Откуда вообще приходят вопросы в нашу голову?

В парке, огромном старом парке, на краю которого все плотнее и плотнее встают многоэтажные дома, в одном из которых живет или пытается как-то жить Степа, народу было мало. Степа заметил, что при этом довольно много молодых мужчин, таких же, как Степа, наверное, половина. Все они не работают. Кто-то бегают по парку, кто-то гуляет с девушкой, кто-то с собакой. Может быть, у них выходной? И у Степы тоже выходной, бессрочный. Вчера он опять ездил на «показ» в очередной театр. Ведь Мазоров обещал ему, что театры будут драться... Дерутся, наверное, но по другим каким-то причинам, не за него.

Степа приехал заранее на «показ», чтобы не опоздать. Прошел через служебный вход и брел не спеша по полутемному театру, повторяя по себя монолог. У него есть отличный монолог князя Мышкина, который он учил еще в институте. Сыграть не пришлось, Арефьева зарубила весь отрывок, не поставила на экзамен. «О, я только не умею высказать... – повторял Степа слова, когда-то казавшиеся ему волшебными. – А сколько вещей на каждом шагу таких прекрасных, которые даже самый потерявшийся человек находит прекрасными?

Посмотрите на ребенка, посмотрите на божью зарю, посмотрите на травку, как она растет, посмотрите в глаза, которые на вас смотрят и вас любят...»
Арефьева когда-то остановила его на первом же «О!..» и сказала: «Фуфло!» Людмила Григорьевна припечатывала всегда этим словом, и все знали: если «фуфло», то лучше спрятаться и помолчать.

– Ты не князь Мышкин, – твердо сказала она ему. – Я тебя в эту сторону тянуть не буду.

– Почему? – все-таки спросил Степа. Дослушала хотя бы до середины...

– Почему-почему... – Арефьева подошла к окну, пошире открыла его и закурила. – Потому что ты... идиот, Степа. Понимаешь? В тебе это на самом деле есть, и тебе это не идет.

– Почему? – удивился Степа.

Арефьева покачала головой.

– Как с тобой разговаривать? Потому что у тебя другой типаж, понимаешь? Разные, конечно, Мышкины бывают... Но я не хочу в тебе это вытягивать. Заиграешься. Я до сих пор не могу понять, откуда это у тебя. Ты же в армии служил. И живым-здоровым вернулся. Как тебя не убили? С такими мозгами.

– Нормальные у меня мозги, – обиделся Степа. – А что мне играть?

– Получается, кроме «Идиота», играть нечего?

– Мне князь Мышкин нравится, – тихо сказал Степа.

– Вот, я ж говорю – идиот! Как он может тебе, красавцу, здоровому, великолепному, нравиться, зачем? Что у тебя с той девушкой, кстати? Вера, кажется... Как, всё серьезно?

Степа пожал плечами:

– У меня серьезно, у нее нет.

– А почему? – Арефьева подошла к нему и обняла за плечо. – Почему у тебя серьезно, если тебе такие девушки попадают? Мой сын уже двух жен бросил с детьми, все мои внуки, трое, а он гуляет себе, знать ничего не хочет, копеечку им дает, да и всё. Не чувствует в себе отца, так мне сказал. Чувствует только сына.

Степа не знал, что на все это сказать, и лишь улыбнулся.

– Улыбка у тебя... – Арефьева погладила его по голове. – Меня тут тетки в деканате подначивают, не любовник ли ты мне?

Степа от неловкости отвернулся.

– Ладно, – усмехнулась Людмила Григорьевна. – Лучше ведь я это скажу, будешь хотя бы в курсе, готов дать отпор... Тебе-то ничего не говорят?

Степа, так же отвернувшись, пробормотал:

– Говорят... Ну, то есть там...

– Хороший ты, Степка. Тяжело тебе будет, – вздохнула Арефьева. – Нет в тебе нормальной доли сволочизма, без которой не проживешь. Так и будут все этим пользоваться.

– Можно мы отрывок из «Идиота» сделаем, покажем? – попросил Степа.

– Нет. Нормальным героем будешь. Если хочешь пострадать, давай Гамлета. Попробуем, а? Переубедим всех, кто считает, что у тебя только мордашка и рост и больше ничего?

– Попробуем, – вздохнул Степа, прекрасно зная, что отступать сейчас нельзя.

Потому, что все всегда уговаривают Людмилу Григорьевну, она не стоит на своем до последнего, слушает аргументы, может поддаться на уговоры. Любой может ее убедить. Любой, кроме него. Он, как обычно, поддался сам. Почему? Нет характера? Есть. Так почему? Степа взглянул на своего худрука. Красавица,

даже в неполные шестьдесят – красавица. Статная, с тонким лицом, аристократка. Руки немного подкачали – крупноваты, но пальцы длинные, ровные... Сейчас она сложила из этих длинных крупных пальцев фигу и покачала перед его носом.

– Вот тебе «Идиот», – сказала Арефьева. – Будешь играть то, что я скажу. Я знаю, что тебе нужно. А ты – глупый маленький мальчик. Вырос такой балбес... – Она ласково потрепала его по голове и в результате настояла на своем.

В театре, куда он пришел устраиваться несколько дней назад, работала его сокурсница. Ничего сама толком не сыграла за несколько лет, но договорилась с помрежем о внеочередном показе для Степы.

Главный режиссер, сорокалетний светловолосый татарин, дружески подмигнул ему, протягивая руку:

– Привет! Как дела?

– Хорошо, – ответил Степа, пожав тому руку, улыбаясь и думая, как ему здороваться. Не говорить же в ответ «привет»...

– А я слышал, что хреново у тебя дела, – тоже улыбнулся режиссер, не зло, даже доброжелательно. – Что не берут тебя никуда. Метка Мазорова. Кто у него засветился – всё, капец тому. Да? Что скажешь?

Степа пожал плечами.

– Ладно. – Режиссер поудобнее уселся в невысоком кресле. – Хочешь что-нибудь прочесть? Показать? Что играл в дипломном?

– Гамлета.

– Сильно. Почитаешь?

Степа кивнул и начал читать отрывок из Достоевского. Главный режиссер театра слушал его полминуты, потом прервал:

– Слушай, какой странный перевод Шекспира. Чей?

– Это «Идиот», – объяснил Степа. – Монолог князя Мышкина о счастье.

– Вот я и думаю... А зачем ты мне из «Идиота» читаешь? Я же сказал – читай Гамлета. Кстати, вот что для тебя лично счастье? Давай вообще лучше поговорим.

Степа увидел стул у окна и пошел к нему, чтобы присесть.

– Нет уж, стой. Буду на тебя смотреть. Так что для тебя счастье?

Степа хотел было ответить, как часто на экзаменах по общеобразовательным предметам говорили его однокурсники, когда не знали ответа ни на один вопрос, что он белый лист, но постеснялся. Тем более, что он не белый лист. Стал читать. Прочитал почти всю программу, которую в институте сдавал по шпаргалкам, судорожно написанным девочками за ночь до экзамена. Кое-как тогда сдавал, на тройки. Знал подсознательно, что тройку по зарубежной литературе или истории театра ему всегда поставят. Герой курса, любимчик Арефьевой.

– Люблю таких актеров, – потянулся главный режиссер и взъерошил короткие волосы. – Больше всего таких люблю. С пустой головой. Давай, садись. Рассказывай, где работал, что играл.

– Медведя, – сказал Степа.

– Уже хорошо. Водевиль чеховский, что ли?

– Нет. Русская сказка.

– Ну... Гм... Кусочек покажи.

Степа пожал плечами – ему же хуже. Встал, отошел в дальний угол и со словами «Ах ты, Лиса Патрикеевна, сколько же ты мне раз дорогу перешла!» пошел на режиссера, заменяя, как и в спектаклях, все слова рыком.

В дверь заглянула испуганная помреж:

– Всё хорошо, Ильдар Гайнуттинович?

Режиссер, смеясь, отмахнулся:

– Чайку нам принеси!

Степа остановился.

– Ну, что же ты? Очень убедительно. А еще что-нибудь есть?

– Да, – кивнул Степа и начал сцену из постановки, где он играл чеховского героя.

У Чехова точно такого персонажа не было, драматург составил его из нескольких чеховских героев, мятущихся, томящихся, сомневающих в себе – в себе, в жизни, в любви, в окружающих.

– Подожди, подожди, – остановил его режиссер. – Ничего не пойму. Ты за двоих, что ли, разговариваешь?

– За троих, – кивнул Степа.

– Так в спектакле у вас было?

– Нет. Ну, партнера же у меня сейчас нет...

– Логично... – хмыкнул режиссер. – А ты оригинал. Ну, а что ты со своим «с» будешь делать?

– Не знаю. Работать.

– А почему раньше не работал?

– Не получается, – честно сказал Степа. – Я так всегда говорю. Я его не слышу. Не слышу, что я неправильно произношу.

– Я-я-сно... – протянул режиссер. – Хорошо. Ну... – Он подал ему руку, и Степа недоумевающе пожал ее. – Приятно было увидеть звезду воочию. Ты как, чувствуешь себя звездой? Зря, что ли, Мазоров метку поставил?

– Уже нет, не чувствую, – ответил Степа.

Хотел добавить, что звёзды, наверно, так не живут – в кредит, одиноко, неприкаянно, но не стал. И слова сразу не нашлись, и нить как-то неудобно, не милостыню же он пришел просить, просто на работу хотел устроиться, хотя бы на разовые, чтобы играть что-то, репетировать, думать о роли. Чтобы появился в его жизни смысл.

...Степа гулял до рано наступившей темноты, вернулся домой, радуясь, что опять не столкнулся в лифте с Верой, посидел на кухне, не включая свет. Налил себе вина, но пить не стал. Сидел и смотрел, как вспыхивает на высоком доме невдалеке красный сигнальный огонь. Чтобы вертолеты не врезались. Есть люди, летающие на вертолетах. А есть люди, летающие из окна... Вот только вчера ему снилось, как он летит, переступив порог своего окна, – не вниз летит, а вверх, легко, свободно, ощущая силу в теле, зная, как лететь, куда лететь, зачем...

Степа подошел к низкому окну почти во всю стену, открыл его. Чуть-чуть перегнулся вниз. Две тонкие ограничительные жердочки, которые никак не помешают ни коту, захотевшему свободы, ни человеку, потерявшему равновесие в жизни и шагнувшему из жизни, неудавшейся, разбитой, – в никуда. А как чувствует себя человек, который летит вниз и понимает, что спрыгнул зря? Тот, кто за короткие секунды полета вдруг осознает, что ничего нет такого, ради чего стоит прерывать свою жизнь, пока она еще есть, пока тебе не сказали – всё, хватит, нажился, иди! Иди туда, где ничего нет. Иди туда, где никто тебе уже не скажет – ты не нужен. Туда, где нет тоски и боли.

Степа резко закрыл тяжелое окно, провернул до конца ручку, прислонился обеими руками к стеклу, прижался к нему лицом. Почему так? Почему один люди бились за жизнь – не за свою, за чужую, проживали свою короткую жизнь в борьбе – за какие-то эфемерные, неосуществимые идеалы, за свободу родины, за счастье и благополучие других, а теперь эти другие, сытые и здоровые, открывают окно, за которым не рвутся снаряды, за которым гудит, бежит,

суетится прекрасный в своей беспечности и благополучии живой город, и размышляют, не спрыгнуть им с семнадцатого этажа, потому что жить совершенно незачем... Потому что жизнь пуста и бессмысленна, потому что нет места на земле, где тебя ждут, где ты нужен, где ты незаменим. Родители... Родители живут душа в душу, много лет, всегда жалеют, что у них нет еще дочери, любят Степу как данность и... И что? Этого мало? Почему ему этого мало? Не проживешь родительской любовью. Тем более не проживешь прошлой славой.

Так быстро закончилась эта слава. Вот только что шел Степа по улице, люди через одного узнавали его, оглядывались, шептались... Сначала это было приятно, потом стало немного раздражать, надоедать. А тут оно и закончилось. Закончились запросы в друзья в Интернете, письма, улыбки... Кто-то помнит фильм, кто-то узнаёт в лицо, не понимая, откуда помнит Степу. И зачем ему была нужна эта слава? Что она ему дала? Ничего. Взнос за квартиру, короткую шумиху вокруг него, несколько статей в дешевых популярных журналах, в которых ловкие журналисты навязчиво задавали не слишком удобные и этичные вопросы, а он, Степа, как последний дурак, отвечал и отвечал... И теперь все знают, как просто и бедно живут его родители, ничего в этом плохого нет, родители – порядочные люди, но – зачем? Все знают, что Степа плохо выговаривает букву «с», знают, что Степа боится дотронуться до лягушки – с детства, в этом тоже ничего нет, но зачем он об этом рассказал?

Знают даже о Вере. Приятная корреспондентка, интеллигентная, вежливая, взрослая, так осторожно спросила его о личной жизни, как будто не собиралась потом об этом писать. А он разнюнился и рассказал. О том, как Вера от него ушла. Ужас, кошмар. И двести тысяч экземпляров журнала разошлись, как обычно, за несколько дней. Другие корреспонденты прочитали и уже досочинили. Получился немного другой Степа, немного другая Вера. И очень стыдная история.

Настоящая Вера написала ему через месяц после выхода журнала: «Ну, ты козел, Степик. И дурак». Больше ничего не написала, Степа тут же ей перезвонил, чтобы объяснить, как всё вышло, но она говорить не захотела, сбросила его звонок. Козел – потому что в пересказанных другими корреспондентами историях его любимая Вера выглядела всё хуже и хуже. А он всё глупее и глупее. И она прочитала одну из таких историй. Теперь-то уже всё равно. Веры рядом нет, его почти все забыли. Но что-то такое стыдное, неудобное, глупое, связанное с его личной историей, помнят. Говорят иногда:

«Слушай, а что там у тебя было с этой... как ее... которая...» И смеются.

Что надо сделать, чтобы в его жизнь вернулся хоть какой смысл? Поменять профессию? Которую из двух? Пойти работать в автосервис и забыть о театре? Уехать куда-нибудь в Норильск, где лето бывает один день раз в три года и где, может быть, нужны актеры, даже те, кто нормально не выговаривают фразу, в которой слишком много букв «с»?

Маятно, маятно, тошно... Хорошо женщине. Она может родить ребенка и погрузиться в него, в его тепло, в заботы о нем. Сад, школа... Долго-долго быть занятой. Потом, правда, когда ребенок подрастет, тоже надо решать, что делать. Но женщина может родить троих, четверых детей и постоянно быть занятой. Когда подрастет четвертый, первый уже сам соберется рожать, и у тебя все заботы начнутся сначала.

Степа быстро набрал в поиске: «Взять собаку из питомника». Ребенка он не потянет, да ему и не дадут. А вот собаку... Степа отложил телефон. А если он все-таки выпрыгнет в окно – от одиночества, тоски и бессмысленности? Что тогда будет с собакой? Но ведь всем станет проще... Всем – кому? Матери, которая ждет, чтобы Степа приехал, а он сидит и пьет в своей большой неуютной квартире? Зачем он купил такую дорогую квартиру? О чем думал в тот момент? О Вере и детях, которых она ему родит? А если у него теперь отберут эту квартиру, потому что кредит и проценты ему выплачивать нечем? Сейчас ему нечем даже заплатить квартплату, огромную, нереальную, равную зарплате администратора в театре. А так хорошо было бы сейчас обнять лохматую, теплую голову собаки, умной, понимающей, чтобы та просто сидела рядом и молча сочувствовала. Ему нужно сочувствие? Степа помотал головой. Это точка. Точка, поставленная в конце всей его предыдущей жизни. Вот он сам себе всё и сказал.

Степа набрал домашний номер родителей и тут же сбросил. Зачем? Что он скажет матери? Отец сейчас на работе. Степа скажет, что он не знает, что ему делать, куда идти? Что его опять не приняли в театр, хотя бы на одну роль?

Невероятно, непостижимо, неужели еще у кого-то так бывает? Он, сыгравший главную роль в главном фильме прошлого года, стоял сейчас у окна и размышлял о том, что можно, в принципе, всё закончить прямо сейчас. А ведь начал он думать уже с того, что человек, решивший спрыгнуть, в полете понимает, что совершил ошибку. И мысли не остановились, нет, хотя от окна он

отошел. А мысли идут дальше. Причем в том же направлении.

Степа выпил вино, которое стояло перед ним, достал из шкафа другую бутылку, в которой был остаток вина, и залпом допил и его. Слезы подступили сразу же. Вот почему так? Другим хотя бы это помогает. А ему становится только хуже. Тоска чуть притупляется, но слезы текут и текут. Может быть, ему надо было родиться женщиной? Такой красивой и с такими близкими слезами...

...Степа сбрасывал свои прекрасные пепельные волосы и плакал. Смотрел на себя в зеркало и плакал. Не по волосам, а от обиды. Что-то было такое обидное, такое невозможно унижительное, несправедливое, что именно – он никак не мог понять и вырваться из этой обиды не мог.

Степа открыл глаза и первым делом потрогал волосы. На месте... На голове – на его пустой голове, в которой в последнее время появилось много вопросов, на которые нет ответа. Кто задает ему эти вопросы?

Степа сел на кровати. Где-то в полупустой гардеробной должны быть гантели. С чего-то ведь надо начинать, как-то выползть... Он вздохнул и лег обратно и тут же услышал, как в дверь позвонили. Наверняка ошиблись. Принесли кому-то еду из ресторана на завтрак – обычное дело. А к нему никто не может прийти. Вода у него не течет – ни с потолка, ни на пол. Друзей теперь нет. Вера ушла навсегда, родители живут далеко.

В дверь звонили и звонили. Он услышал быстрые шаги, как будто кто-то бежал по площадке. Потом снова звонок.

Степа кое-как умылся, натянул джинсы и футболку, хлебнул вина из бутылки, почему-то стоящей на раковине в ванной, с трудом дошел до двери. Как будто и не спал, а был в тяжелом забытье... Дверь оказалась не заперта. Степа открыл дверь и пошатнулся, чуть не упал. Сначала ему показалось, что за дверью никого нет. А потом он понял, что за дверью – просто очень маленький человек.

– Пойдете со мной? Пойдете? – Мальчик, который, похоже, давно плакал, говорил, растирая по лицу слезы вместе с соплями.

– Куда пойти? – спросил Степа.

Как же все-таки тягостно жить... Какой темный коридор – глупый дизайн с темно-фиолетовыми стенами и светильниками, утопленными внутрь стен. Как невыносимо пахнет чьей-то готовкой, что может так пахнуть? Вареные почки? Обжаренные с прогорклым жиром и подтухшей рыбой...

Он знает этого мальчика. Знает... Или нет... Степа изо всей силы постучал себя по ушам – это помогает. Очень неприятно, но помогает. Ч-черт... Как-то всё с утра звенит, гудит... лучше бы сесть... или лечь обратно...

– Никого нет! – захлебываясь слезами, пытался объяснить ему мальчик. – У нас там... на площадке... Я хотел... «Скорую»... а там... это... номер не существует... всё время говорят... номер не существует...

Степа постарался собраться, заправил зачем-то футболку в джинсы, подтянул их повыше. Глубоко подышал. Еще раз постучал себя по ушам. Мысли не собирались никак.

– Ты кто? – спросил Степа. – Я тебя знаю. Нет. Не знаю.

Мальчик испуганно посмотрел на него.

– Ты пьяный? – спросил мальчик. И попробовал побежать к лестнице.

– Нет, – как можно четче сказал Степа. – Сейчас утро! Ты что? Это роль такая. Я репетирую. Я же актер. Ты же знаешь, ты же фильм смотрел.

Он вспомнил. Это сын той соседки, красивой, тонконогой, с высокой грудью, которая непонятно почему живет одна, с сыном, но без мужа. Это он знает точно. И у нее прекрасное имя Вера.

– А что случилось? – наконец спросил Степа, когда они, не дождавшись лифта и спустившись по лестнице на два или три этажа ниже, подошли к двери, оказавшейся, как и его дверь недавно, незапертой.

– Я не знаю, – дрожа, сказал мальчик, протягивая руку в сторону комнаты. – Смотрите... не знаю... мы встали, а потом мама...

Степа с опаской, пошатываясь, но стараясь идти ровно, заглянул в комнату.

Вера лежала поперек большой кровати, явно рассчитанной на двоих, и как будто не дышала. Белая-белая, с закрытыми глазами.

Степа оглянулся на мальчика, тот плакал, теперь беззвучно, некрасиво открывая рот, в котором не хватало нескольких зубов. Потом стал приговаривать:

– М-мама... м-мама... Она умерла, да?

Степа помотал головой. Черт. Как всё это некстати... Как он некстати сейчас хлебнул этого вина... Думал, пройдет голова, а в ней, наоборот, всё стало гудеть и переворачиваться. И как-то всё едет и едет перед глазами... Какая-то квартира... Где он? Кто эта женщина? Мертвая женщина... Это съемки, что ли? А где же камера? Камера спрятана, а-а-а... Степа понял, что совсем запутался. Какой хороший актер этот мальчик... Может, это вообще он сам... Стоит маленький Степа у стены и плачет... Так. Стоп. Нет, так дело не пойдет.

– Ванная у тебя где? – спросил Степа и интуитивно пошел туда, где у него самой ванной комната. Квартира такая же, только на другом этаже.

Степа пустил ледяную воду, подставил под нее голову. Вода нещадно заливалась в уши. Мелькнула здравая мысль – заболят уши, как было на съемках, когда ему приходилось в плюс четыре ходить в одной борцовке и улыбаться. Один дубль, три, девять... Он сильно не заболел – заболели только уши и долго, месяца два, стреляли, ныли, щелкали, особенно по ночам. И от этой нормальной мысли, зацепившись за нее, Степа стал выползать из мутного, непроглядного тумана опьянения.

Когда он вышел из ванной, мальчик сидел на полу в большом холле, превращенном в этой квартире в библиотеку, и плакал без слез, подвывая, как маленький щенок. Степа осторожно прошел в комнату и остановился около Веры. Женщина была все так же недвижима. Он со страхом дотронулся до ее руки. Ему показалась, что рука не ледяная. Холодная, но такая, какой бывают руки живого человека. Мягкая, и вот палец, кажется, шевельнулся...

– Ма-ма-ма-ма-ма-ма... – как заведенный повторял теперь мальчик.

– Помолчи, – обернулся к нему Степа. – Она живая... Кажется...

Мальчик мгновенно вскочил, подбежал к матери и стал трясти ее:

– Мама, мама, открой глаза! Открой глаза! Мне страшно!

– Да подожди ты... – Степа отстранил мальчика и наклонился к Вере, потрогал пульс на шее.

Кожа нежная, тонкая... холодная, но под рукой отчетливо ощущалась теплая артерия, в которой пульсировала кровь.

– Что с ней случилось? – спросил он мальчика, который теперь гладил мать по руке.

– Я не знаю. Я играл в наушниках, стал ее звать... А она...

– Телефон давай... – Степа побил себя по щекам, покрутил руками, чтобы разогнать кровь и начать лучше соображать. – Врача надо. «Скорую помощь». Ей капельницу надо сделать. Или... не знаю... укол.

– Нет! – вдруг воскликнул мальчик.

– Что «нет»? – удивился Степа.

– Мама не пьет таблеток...

– А как же вы лечитесь?

– Надо холодную воду. И эту, забыл... трава горькая... крапива, кажется...

– Так, все. Дай мне телефон, я не взял свой.

Мальчик сбегал в другую комнату и принес Степе телефон. Дозвонился он в «Скорую» почти сразу.

– Фамилия? Сколько лет?

Степа переспрашивал все у Вериного сына, тот с трудом, но сказал, что Вере тридцать пять лет и что его фамилия Калганов, а Верина – другая, но какая, он точно не помнит. Потом мальчик сбегал посмотреть на дверь, чтобы убедиться, что номер квартиры двести тринадцатый, а не триста двенадцатый. Минут через пятнадцать приехала «Скорая помощь». Степа вместе с врачом-мужчиной отнес Веру в машину, отдав ее паспорт, который пришлось найти в ящике, покопавшись в ее документах. У Степы мелькнула мысль – можно было бы посмотреть, какого Вера года рождения, правда ли настолько старше Степы, и была ли замужем, но листать страницы ее паспорта ему было неудобно.

Когда Веру положили на выдвижные носилки и задвинули в машину, ее сын опять стал плакать.

– Помолчи, – попросил его Степа. – Она всё слышит, ей еще хуже от этого.

– Слышит? – удивился мальчик, но плакать перестал.

– Да, слышит. Пошли.

Они вернулись к мальчику домой. Степа, с которого уже совсем сошел хмель, остались лишь неприятная тянущая боль в голове и кислый привкус во рту, прошел на кухню. Надо же, как симпатично можно было всё сделать, оказывается. У него кухня стильная, черно-белая, с тусклыми хромированными вставками, холодная и совершенно неуютная, а у Веры всё в теплой золотистой гамме, из дерева, – ящики, стол, стулья. На столе был рассыпан сахар, стояла недопитая чашка с чаем, мисочка с печеньем. На плите – кастрюля с холодным супом. Степа понюхал суп – вроде свежий. Он смахнул в руку сахар, включил плиту.

– Тебе поесть надо!

– Я суп не буду, – заявил мальчик, но не очень уверенно. – Я на завтрак суп не ем.

– Ага! Сейчас только привередничать. Ну, хлеб ешь тогда. У вас хлеб есть?

Мальчик пожал плечами.

– Я готовить вообще не умею, – продолжал Степа, заглядывая в шкаф, где был порядок – банки с крупами, пачки макарон, но хлеба не нашел, – имей в виду. Могу пиццу заказать. Любишь пиццу?

– С грибами только!

– Ладно, рассказывай, кто у тебя еще есть, кому тебя отдать, пока мама в больнице, а? И, кстати, как тебя зовут?

– Гоша.

– Ну, давай тогда, Гоша, пять. – Степа протянул мальчику руку. – А я – Степа.

Он пожал маленькую влажную ручку, чувствуя неожиданную симпатию и жалость к мальчугану.

– Так кто у тебя еще есть?

Мальчик подумал.

– Бабушка.

Степа увидел, что мальчик смотрит на полку под самым потолком, где стояли фотографии.

– Хорошо. Она в Москве? Можно к ней поехать?

Мальчик кивнул.

– Собирайся. Где она?

– На кладбище.

Степа развел руками:

– Ну, ты даешь.

– Мама говорит – она с нами, всё видит и слышит...

Степа растерялся.

– Так, ладно... Мама твоя всё правильно говорит, но к ней же... гм... не отвести тебя... А кто еще есть? Отец? Дед?

Гоша неуверенно пожал плечами.

– Что? Не знаешь? У тебя с матерью фамилии разные. Ты – Калганов. Значит, у тебя есть отец по фамилии Калганов, правильно?

– Он уехал куда-то... – проговорил мальчик.

– Давно?

– Вроде да.

– Ты знаешь его? Видел когда-нибудь?

– Не знаю. Не помню.

– Ладно. А дедушка, еще какие-то родственники есть?

– Тетя Нина есть. Она живет в этой... не помню...

– Вспоминай! В Москве?

– Нет. Кажется... Не знаю... Она на самолете к нам прилетала...

Степа вздохнул.

– И что мне с тобой делать? Ты в какую школу ходишь?

– Меня мама на машине возит.

– Понятно. Собирай свои учебники, всё, что надо, пенал, форму там... Что еще? Щетку зубную... И пойдём ко мне. Маму твою сегодня точно не отпустят.

– А она не умрет? – осторожно спросил мальчик.

– Нет! – как можно увереннее ответил Степа.

Пока они поднимались к нему домой, захватив с собой кастрюлю с разогретым супом, он думал – как хорошо, что последние деньги он не отнес на погашение кредита. Потому что он уже задолжал за квартиру столько, что этот взнос его бы не спас. А так у него, по крайней мере, есть деньги, чтобы купить какие-то нормальные продукты для Гоши – вряд ли он будет есть острое вяленое мясо, которое Степа вчера нашел в холодильнике, и прокисшие соленые огурцы. Как покупал мясо, он помнит смутно, кажется, завернул в какую-то армянскую лавочку, долго разглагольствовал с продавцом, пробовал разные продукты с диковинными, трудно произносимыми названиями, которые тот ему предлагал, купил орехи, которые рассыпал по дороге, и вот это мясо, бастурму, вкусную, ароматную, плохо прожевывающуюся. А огурцы стоят уже больше месяца, давно прокисли, он их помыл, залил водой с солью и поставил обратно. С хлебом и водкой – нормально, можно есть. Еще бы водка помогала и лезла в него...

Мальчик сначала с опаской, потом всё смелее походил по его квартире, рассматривая Степины портреты со съёмок, которые стояли на трех пустых широких черных полках в гостиной.

– Ну, как тебе у меня? – спросил Степа, пока не понимая, как общаться с мальчиком.

Он нашел у себя в шкафу упаковку загадочных макарон – тонких квадратных пластин – и положил их вариться, пытаясь вспомнить, откуда они вообще у него взялись.

– Не очень, – ответил Гоша.

– Почему?

– Черное всё. Мне не нравится.

– Мне тоже, – засмеялся Степа. – Поэтому я, наверное, скоро отсюда уеду.

– Почему?

– Потому что квартира не совсем моя. Не выплачена. Понимаешь?

Он это впервые произнес и понял, что ничего страшного в этом нет. Его ночные страхи – как его будут выселять из квартиры – ничто в сравнении с тем, что сейчас может ожидать этого мальчугана, если его мать не спасут, а у него на самом деле нет других родственников.

– От окна отойди, или давай я лучше его закрою, – сказал Степа.

– Вон там мой дедушка живет, – вдруг заявил Гоша, не обращая внимания на его слова и показывая на какой-то дом.

– Дедушка?! Точно?

Мальчик кивнул.

– А ты знаешь номер его телефона?

Гоша помотал головой.

– А номер квартиры?

Мальчик неуверенно кивнул.

– Ну, давай поедим и пойдем к дедушке. Как его звать?

– Дед Матвей.

– Твоя мама – Вера Матвеевна?

– Нет... кажется... Артемьевна. Да! Вера Артемьевна!

– А кто тогда дед Матвей? Папин отец, что ли?

По лицу мальчика Степа понял, что пытаться его бесполезно. Но к родственнику сходить нужно.

– Я тебя точно в фильме видел, – заявил Гоша, когда Степа разогрел и налил ему супу. – Только ты там другой.

– Волосы крашеные.

– Нет. Ты там... такой... – Гоша поискал слово, не нашел, попытался показать руками и лицом, какой Степа в фильме. – Ты когда прыгнул там в воздух, я такой: «О-о-о...» – Гоша сделал одновременно испуганное и восхищенное лицо.

– Ясно. – Степа хмыкнул. – А фильм тебе понравился?

Гоша пожал плечами.

– Да.

– А ты вообще понял, о чем фильм?

– Понял!.. Я такой сидел: «Э-э-э...» – Гоша показал, как он сидел, раздавленный и восхищенный.

Вопросы у Степы иссякли. Есть некоторое отличие от собаки, которую Степа собирался брать... С этим мальчиком он чувствовал себя сейчас не лучшим образом. Как с ним разговаривать? Вроде всё понимает, отвечает на некоторые вопросы, но так странно говорит, может, они все так говорят теперь, еще хуже, чем сам Степа... и такой он маленький... Хорошо бы найти его нормальных родственников и отдать им мальчика.

– Поел? Пошли.

Степа видел, что мальчик, наплакавшись, поев, попив чаю (очень кстати нашелся последний пакетик в пустой пачке), разомлел и идти никуда не собирается.

– Идем-идем!

– Можно я у тебя останусь?

– Нет.

– Почему?

– Потому что потому.

– А зачем тебе столько бутылок? – Гоша рассматривал батарею пустых бутылок, занявших все пространство около большого кухонного окна.

– Беседку строить! – усмехнулся Степа.

Степа видел однажды такую беседку на даче у соседей Людмилы Григорьевны. Она еще смеялась: «Редкий случай, когда тонны выпитого пошли впрок...» Не оставлять же мальчишку у себя в такой запущенной берлоге, где никто не убирался несколько месяцев, а на кухне скопились бутылки, из которых можно выстроить целую беседку? Даром что «умный дом», умом которого Степа не пользуется и свой собственный где-то по углам этого «умника» растерял...

– Почему ты бутылки не сдаешь?

– Пошли! – сказал Степа как можно тверже. – Почему... Потому! Со своей жизнью разобраться не могу, а ты говоришь – бутылки сдавать... Сдам. Давай вставай!

Гоша кивнул, слез со стула, крепко сжимая свой телефон, с которым не расставался, и пошел к двери.

Они прошли с Гошей по двору, усыпанному мокрыми листьями, перешагивая через лужи. Дождя не было уже неделю, но каждый день по двору с утра и ближе к вечеру ездила поливальная машина и зачем-то поливала асфальт, бордюры, желтые и красные листья, упавшие с деревьев.

Мальчик остановился у первого подъезда серой кирпичной пятиэтажки.

– Вот сюда.

– Точно?

– Да.

– Этаж помнишь?

Гоша улыбнулся, первый раз за сегодняшний день. Степа увидел, что у него в нескольких местах растут новые зубы, неровно, налезая друг на друга.

– Да это легко запомнить! Потому что первый этаж!

Кодовый замок не работал, Степа первым зашел в подъезд. Он присвистнул, увидев длинный коридор, заваленный какими-то коробками, старыми велосипедами, мешками, обувью, шинами.

– Никогда не был в таких домах. Это общежитие, что ли? – спросил он просто так, понимая, что Гоша ответить ему не сможет.

Гоша на самом деле ничего не ответил и довольно уверенно пошел по коридору, остановился у двери, выкрашенной синей краской, на которой было написано

какое-то иностранное слово, Степа не разобрал. Ему показалось, что слово – немецкое.

– Ну, стучи! – вздохнул Степа. – Звонка здесь, кажется, нет.

Гоша постучал кулачком и крикнул:

– Де-ед! Открывай!

За тонкой дверью послышалось побряхтывание, шарканье, бормотанье, что-то упало, покатилося, и всё стихло. Дверь им не открыли. Степа с Гошей переглянулись.

– Что, всегда так? – спросил Степа, оглядываясь, потому что к ним приближалась женщина огромного размера, в красных растянутых трениках, ярко-красной кепке с английской надписью «кока-кола», в свободной белой футболке, под которой болтались, как перезрелые дыни, две длинные и мощные груди. Женщина ела сочный персик, слизывала с полной волосатой руки текущий сок и очень внимательно смотрела на них, как будто хотела заговорить.

– Здрас-сьте, – сказала толстуха, задев их колышущимся боком и томно улыбаясь.

Впереди открылась еще одна дверь, по коридору наперегонки помчались... трое... четверо... нет, пятеро... Степа помотал головой – сколько их? – на первый взгляд совершенно одинаковых детей, со смуглыми лицами, раскосыми глазами, жесткими черными волосами. Дети были одеты в первое попавшееся: слишком длинные брюки, гармошкой собравшиеся у щиколотки, ветровка на голое тело, на мальчишке с худющими мосластыми ногами – огромные розовые девичьи кроссовки и кислотно-зеленая майка с неприличным жестом на всю длину.

Дети горланили, хохотали, кривлялись, скакали. Толстуха подхватила одного, который хотел пролезть на карачках между ее ногами, легко подняла его за шкуру, раскачала и, дав щелбан, поставила на пол. Мальчишка извернулся и укусил толстуху за палец. Та дала ему в ответ такой подзатыльник, что он упал, завыл, за ним завыли и заорали остальные.

Вовремя приоткрылась синяя дверь, в щелочку показалась круглая лысая голова невысокого пожилого человека, он глянул на Гошу, замершего у стены, и Степа услышал негромкое: «Проходите!»

Степа побыстрее втокнул Гошу в квартирку и зашел за ним сам, потому что в коридоре началась настоящая драка. Вышел то ли чересчур молодой отец, то ли старший брат кого-то из детей, пошел на толстуху, маша руками и крича на странном языке, в котором был перемешан русский мат и стреляющие, взрывающиеся согласные чужих слов. «Как колючая проволока с ошметками экскрементов», – пронеслась мысль у Степы, удивившая его самого. Мозг наш иногда работает в совершенно автономном режиме...

Дед Матвей – а это был, по всей видимости, именно он – плотно закрыл за Степой и Гошей дверь и еще накинул ржавый крючок. Степа вспомнил, что такой крючок был у них на сарае в огороде, где его бабушка целое лето выращивала овощи, потом солила их, расставляла банки по всем свободным углам и не разрешала трогать до зимы. И Степе казалось – никогда эта зима не наступит. Только зря отовсюду на него смотрят банки с вишневым, сливовым вареньем, и розовое, прозрачное, самое вкусное – из райских яблочек. Сейчас бы поговорить с бабушкой, но – увы. Ни варенья, ни бабушки.

– Ну-с, – неожиданно сдержанно и интеллигентно сказал дед Матвей. – С чем пожаловали, гости дорогие? Что-то мама твоя, Георгий, давненько не заходила. Забыли старика! Ай-яй-яй!..

Степе казалось, что он попал на съемочную площадку, где сейчас начнется съемка фильма по мотивам какой-то известной пьесы. Артисты репетируют, повторяют слова, им пробуют грим, меряют костюмы... И все слова такие знакомые...

– Я – Степан Васильков... гм... – сказал Степа и, чуть поколебавшись, протянул руку старику, чувствуя себя крайне неловко.

Он почти полностью протрезвел и догадывался, что выглядит сейчас не лучшим образом. Перегар, вонища, страшный перегар, он сам не знает, куда от него деваться, волосы наверняка растрепанные – Степа на ходу пытался причесать их рукой и даже не смог расцепить в некоторых местах, так они спутались... Сколько дней он не причесывался? Три... Или больше... Он не пил запоем, нет.

Просто как пришел домой после театра, где ему в очередной раз сказали «нет», как сел за стол, налил себе вина, заплакал после второго стакана, так счет дням и потерял. Не в том смысле, что потерял себя. Нет, к счастью или к сожалению, напиваться, как напиваются некоторые – до полной потери себя, когда не помнишь ничего, что происходило в дни запоя, – он не может. Его норма – до первых слез, а потом вино, водка, любое спиртное идет с трудом. Ты и не пьян, и не трезв. Вот как бы умудриться попасть или туда, или сюда. А промежуточное состояние крайне тяжелое.

– Матвей Калганов, – со сдержанной гордостью сказал старик.

Степа присмотрелся. Да не такой уж он и глубокий старик. Лет... семьдесят или меньше. В таком возрасте люди еще сыновей себе на юбилеи заказывают от молодых жен. Как, например, муж Людмилы Григорьевны, точнее, бывший муж. Прожил с ней сорок лет, с двадцати пяти до шестидесяти шести, развелся, женился на двадцатилетней, и она ему родила мальчика. Все друзья очень сомневались в том, что мальчик – его, лишь он не сомневался, говорил, что всю жизнь жил для того, чтобы встретить свою единственную любовь и родить сына, как-то пропуская тот факт, что сын у них с Людмилой Григорьевной есть и уже внуки всю бегать.

– Что, Георгий, привел друга? – спросил дед Матвей как ни в чем не бывало.

Гоша сморщил нос, молча соорудил деду рожицу, прошел через всю комнату к окну и залез на подоконник. Быстро достал телефон и уткнулся в него.

Матвей посмотрел на Степу.

– Его мать попала в больницу, – объяснил Степа. – Я – сосед.

– Что с ней?

– Я не знаю. Потеряла сознание, увезли на «скорой». Она ведь жена вашего сына?

Матвей пожал плечами.

– Кто теперь кому жена, кто кому сын – не поймешь. Где он, этот сын? Внука вижу – мой внук. А сын... Ну-с, присаживайтесь, вот стул, сейчас освобожу...

Матвей снял со стула стопку старых книг и журналов и придвинул стул к Степе.

Степа сел и огляделся. В комнате стоял небрежно застеленный диван, на котором, очевидно, спит Матвей, другой кровати не было, еще один стул, весь завешенный одеждой – серый растянутый свитер, джинсы, пара рубашек, носки, висящие внизу по перекладине стула, и хороший, слишком хороший для такого места стол – из золотистого благородного дерева, со слегка округлыми ножками. На столе был включен компьютер, на мониторе – открыт текст. Матвей заметил взгляд Степы и любовно погладил стол:

– Мой рабочий станок. – Он провел рукой по книгам, стоящим ровным рядом на полке над столом. – Всё мое.

Степа не понял, кивнул.

– Мои книги, – пояснил Матвей. – Я написал все эти буквы и слова.

– Ваши?.. – Степа прикинул – на полке стояло не меньше тридцати книг.

– Да, мои.

– То есть вы – писатель?

Матвей кивнул:

– Да.

Степа встал и подошел поближе. Как-то неловко. Столько книг у человека. А он и не знает такого писателя... Степа присмотрелся. На корешках книг было написано одно и то же имя «Вера Лялина». Он вопросительно посмотрел на старика. Опять Вера... Что же его преследует это женское имя... При чем тут какая-то Вера, если Матвей говорит, что это его книги?

– Псевдоним, – улыбнулся Матвей. – У меня чересчур резкое имя для такой нежной прозы.

– Можно? – Степа взял одну книгу.

«Васильковые поляны». Он полистал, прочел несколько абзацев. Какая-то личная драма, женский монолог, повествование от первого женского лица...

– Не слышали о такой писательнице? – усмехнулся дед Матвей. – Когда вышла именно эта книга десять лет назад, многие прочили мне общероссийскую славу... Да только где она теперь, общая Россия!.. Там же, где моя слава... Всё порознь, каждый о своем, все пишут, кто умеет и кто не умеет, кто в школе на тройки учился, кто совсем не учился, все пишут. И находят читателя. Премии получают. Сейчас это просто. Заплати – официально, по квитанции, деньги – и ты попадешь со своей книгой в серию – «Лучшая проза», «Золотая проза». Полторы тысячи рублей страница. Что хочешь пиши! Деньги плати – напечатают. Люди этим живут – издательства-однодневки, литературные союзы. Чудеса! Другое время, и я к нему не приспособился, увы. Но пишу. Потому что по-другому не могу. Пробовал не писать. Начинаю сходить с ума – мысли толкутся в голове, толкутся, не замечаю, что разговариваю вслух... Персонажи мои разговаривают.

Степа взял с полки еще одну книгу, на вид совершенно новую.

– Это в магазине продается? Можно купить? Глупый вопрос, то есть...

– Нормальный вопрос. Эту можно, другие уже нельзя. Вышел крохотный тираж, разошелся, как журналы, скоро выходит следующая. Иногда романы переиздаются, иногда нет. У меня в год выходят две-три книги. И я даже получаю за них деньги.

Степа не знал, что еще спросить, сам он книг давно не читал, из вежливости кивнул, листая роман. Положил книжку на стол, заметив, что сзади на обложке – фотография миловидной женщины средних лет.

– А... о чем ваши книги?

– О жизни. Возьмите, молодой человек, если хотите, прочтите. Не пожалеете. Все мои мысли о нашем времени, о душе, об одиночестве, о том, как каждому человеку, в любом возрасте хочется любви, тепла, понимания...

– Я не всякую книгу могу прочесть от начала до конца, – признался Степа.

– Почему?

Степа подумал.

– Отвлекаюсь на собственные мысли, наверное.

– А классику читали?

– Раньше нет. Теперь читаю. Пытаюсь. Купил Чехова.

– Интересно?

– Что-то – да.

– Ну, а современное? Что вы в последнее время пробовали читать?

– Когда к родителям ездил, что-то у мамы брал... Не помню названия... Без сюжета почти... просто разговоры, рассуждения... поток сознания... Не смог...

– Понятно.

Матвей сел на стул у своего рабочего стола, повернулся к Степе и молча улыбался, глядя то на него, то на Гошу, который вообще не обращал ни на кого внимания, увлеченно играя. Степе показалось, что мальчик чем-то похож на деда. Невысокий, крепенький, такая же круглая голова, светлые рыжеватые волосы. У Матвея, правда, волос осталось мало, только на затылке и висках. Но умные, совершенно ясные глаза смотрели на Степу внимательно и цепко.

– Чаю? – спросил Матвей.

Степа оглянулся. Плиты видно не было, у входа узкая дверь – явно в крохотную ванную комнату, которая была выгорожена прямо в комнате.

– Хорошая квартирка у меня, а? – подмигнул Матвей, подключив старый электрический чайник, металлический, со шнуром, в двух местах перемотанным черной изолентой. – Удобная. Всё под рукой, метров мало, убираться легко. Вот тебе чаёк, прямо на столе можно организовать, вот тебе холодильник... – Он открыл дверцу небольшого шкафчика у стола, в нем оказался маленький холодильник, Матвей достал открытую банку сгущенки, из которой торчала столовая ложка, с сомнением покрутил ее в руках и поставил обратно. – Душ, правда, в коридоре, грязно там очень, но я в баню хожу. В комнате только раковина и туалет, всё аккуратно, всё мое. Я вот Гошу в баню приглашал, да Вера не разрешила. Вера – женщина серьезная, успешная, как теперь говорят. Я надеюсь, с ней ничего страшного не случилось?

Степа замялся.

– Надо звонить в больницу. Я ведь не знаю, куда ее увезли. Надо искать, звонить.

– Доработалась наша Вера. За квартиру выплачивала. Я ей говорил: ну, и зачем тебе такая квартира? Куда тебе три комнаты? Столько окон!.. На двух человек-то!.. В каждой комнате по два, а то и по три окна, кухня вообще стеклянная, как аквариум... Вот у меня одно окно – я в него смотрю и зимой, и летом. Вижу, как распускаются почки, прилетают птицы, желтеют и опадают листья, падает снег... А что увидишь в дюжину окон да еще с высокого этажа? Облака из московских ТЭЦ?

– У меня такая же квартира, – заметил Степа.

– И три комнаты?

– Нет, две. По-другому сделано. Но окон столько же.

– А живешь с кем?

– Один, – пожал плечами Степа.

Он уже понял, что Матвей не смотрел, скорее всего, фильм Мазорова. Телевизора в его комнате не было. Как непривычно и хорошо – когда тебя не узнают, не рассматривают, не сообщают, что в фильме ты другой, лучше... голосом другим говоришь, буквы правильно произносишь...

– Почему у вас такой псевдоним? – спросил Степа. – Потому что Вера... – Он кивнул на Гошу.

– Сначала псевдоним появился, а потом уж Вера, мать моего внука, – засмеялся Матвей. – Если ты об этом. Я уже пятнадцать лет – Вера Лялина. А Гоше – семь. Нет, восемь. Георгий! Тебе сколько лет? Георгий!..

– А? – Мальчик поднял глаза от телефона.

– Сколько тебе лет?

Гоша молча стал дальше играть.

– В общем, – улыбнулся писатель, – я раньше был Тимуром Брониным. Детективы писал. Хорошо продавались в девяностые. Потом трупы стали сниться, да и думать я стал о другом, вот, поменял сегмент, как говорят в моем издательстве. Про детективы Бронина тоже не слышал?

– Нет... – Степа покачал головой. – Вы извините, я просто современные книжки как-то не очень...

– Ясно. А сам – кто?

– Я? – Степа подумал. – Автоэлектрик.

Матвей взглянул на руки Степы.

– И что, машины чинишь?

– Сейчас нет.

– А чем зарабатываешь?

– Ничем.

Матвей хмыкнул.

– Прямо как я. А в доме тогда как в Верином живешь? Там квартиры большие, дорогие, для тех, кто умеет что-нибудь продавать.

– В кредит купил. Как раз вот... не знаю, чем дальше платить. Деньги закончились.

– Ясно. Хорошо, когда денег нет, они закончиться не могут, – улыбнулся Матвей. – Вот как у меня.

– Я всегда думал, что писатели хорошо живут... – удивился Степа.

– Кто как, – пожал плечами Матвей. – Вот я квартиру свою старую продал. Эту комнатенку купил. Часть денег сыну дал на его дело, часть потихоньку проживал. Год назад деньги закончились. И сын все деньги профукал, обещал отдать вдвойне – болтал, я не просил отдавать. А теперь как бы снова не пришел – на хлеб просить. Но пока не появляется. Крутится как-то сам.

– Я вам Гошу оставляю... – осторожно сказал Степа.

Матвей молча открыл холодильник.

– Смотри.

Степа тоже молча посмотрел на пустые полки. Сгущенка, полбатона хлеба, тарелка, на которой лежал засохший кусок сыра, и остатки вареных макарон в глубокой тарелке.

– Нечем кормить мне Гошу. Оставишь – конечно, хлеба с макаронами дам. Сегодня. Завтра – не обещаю.

– Как нечем? Но... – растерялся Степа.

– Нечем. До пенсии осталось две недели. У меня триста рублей. За комнатку коммуналку заплатил, электричество, телефон, пару раз в аптеку сходил – всё, пенсия закончилась.

– А... а как же вы живете?

– Крупы варю. Ребенка так нельзя кормить. И жизнь у меня безалаберная. Ему в школу ходить надо, уроки делать. А я сижу, пишу – дня иногда не замечаю. Если соседи орут – до четырех, до пяти утра пишу. Всё равно не уснешь. Соседи у меня беспокойные. По двенадцать человек в таких вот апартаментах, как у меня, живут. Спят вповалку и в очередь.

– А ваши книги продаются в магазинах?

Матвей улыбнулся:

– Конечно.

– Почему же вы деньги за них не получаете?

– Деньги получает тот, кто издает книги и кто их продает. А писать – это дело такое, романтическое, не про деньги... Да и не дело вовсе. Разве это дело? Сегодня пишу – завтра в парке весь день гуляю, на людей смотрю, с кошками бездомными разговариваю...

Степа с сомнением слушал старика.

– В Интернете прочитай про меня, – сказал Матвей. – Вера Лялина – любимый автор многих женщин.

Степа засмеялся.

– Что ты? – слегка нахмурился Матвей.

– А я – любимый актер многих женщин.

Матвей присмотрелся к нему.

– Не знаю тебя.

– Я только в одном фильме играл, но в очень известном.

– Большую роль?

– Главную.

– У него там волосы крашенные! – объявил Гоша, не отрываясь от телефона.

– Слышишь, значит? Сгущенку будешь? Отковыряем сейчас... Там под корочкой еще пара ложечек есть, для внука моего... Слезай, сынок... – Матвей похлопал Гошу по коленке. – Так ты на самом деле богатый, значит? Раз артист...

– Нет. У меня тоже закончились деньги. Но у меня не триста рублей осталось, чуть больше. Я понял. Хорошо, я вам дам денег на еду. И Гоша пусть у меня живет.

– Мне денег не надо. А за Гошей присмотришь? Ты ведь не каждый день пьешь?

– Нет, не каждый.

– А вообще пьешь почему?

Степа пожал плечами.

– От слабости? – спросил Матвей, очень внимательно рассматривая Степу, так, что тому стало неловко.

Степа отмахнулся:

– Временное.

– Не заметишь, как станет постоянным, – проговорил старик. – Не в моих правилах учить, но...

– А в книжках вы не учите жизни? – удивился Степа.

Матвей, молча покачав головой, достал две чашки и стакан с отколотым краем. Заварил один пакетик чая на всех, положил сгущенки в каждую чашку, отковыряв ее со дна.

– У меня здесь персонажей – видал сколько? По коридору бегом бегают или ноги таскают... В каждой такой комнатке – роман с продолжением, пиши не хочу. Кого тут только нет! Беженцы всех родов и видов.

– В смысле? – не понял Степа.

– Все откуда-то или от кого-то бежали. Кто от войны, кто от родных, кто от неудач, кто за счастьем в Москву, кто от самого себя. Вот я и наблюдаю за ними. И не писать не могу, я уже тебе говорил. Я, кстати, еще недавно сутки-трое работал, так у меня побольше денег было. Гошу даже в детский театр водил, билеты на пятый ряд покупал. Но теперь всё – возраст, погнали. Кому такой сторож нужен!.. И в дворники не берут, там все братья и дяди вот этой чумазой мелкотни, которая сейчас по коридору бегала, работают. Вдесятером наш палисадничек метут. Я когда-то его за полчаса утром убирал.

– Вы работали дворником? – изумился Степан.

– А что тут такого? Поэты всю дорогу истопниками работали, да кем только не работали! Не всем же в Переделкино да в Америке жить.

– Удивительно...

– Да, я пробовал в школе работать, когда моложе был. Но сил и нервов столько уходило – на написание книг совсем ничего не оставалось. А у меня же читатели, они ждут, письма пишут вот мне в Интернете...

Степа слушал с сомнением, поэтому Матвей, ухмыльнувшись, открыл что-то в компьютере, кивнул:

– Хочешь, вот, посмотри! Пишут мне...

– Да нет, ладно, я верю... Просто странно... Неужели вам так хочется писать, что вы добровольно живете вот так... – Степа обвел глазами комнатку.

– Мне нравится, как я живу! – рассердился Матвей. – Я хорошо живу! Сам с собой в ладу. Мне всего хватает. Не нравится – не живи так. И сейчас уходи, всё! Мне работать надо, главу заканчивать. А то я выйду оттуда и иногда войти обратно не могу.

– Откуда? Куда? – не понял Степа.

– А из того мира, – совершенно серьезно ответил Матвей. – Это ведь мир параллельный. Я ничего не придумываю. Это там есть. И я иногда вижу, слышу, иногда зайти туда могу. А иногда – всё. Закрыто – и всё тут. Ничего не вижу, не знаю. Схематически придумать могу, а всё мертвое, потому что придуманное. А вот когда дверца-то открывается – то всё по-живому идет. И отклик тогда другой. Женщины Вере Лялиной пишут, рассказывают о своих судьбах, кто совета просит, кто хочет, чтобы она, то есть я, написала о них...

– И вы пишете? – осторожно спросил Степан, потому что всё больше убеждался, что дед Гоши – человек необычный. «Старик»! Известная писательница Вера Лялина, а не просто старик!

– Иногда. Но это всё не то. Главное всё – там... – Матвей показал куда-то мимо Степы, мимо окна, мимо всего. Лицо у него стало мечтательным. Старик задумчиво покачал головой, как будто оттуда ему что-то сказали.

– Что? – спросил Степа. – Слышите что-то?

– И слышу, и вижу, так что идите, идите... пока дверь не закрылась...

Степа успел заметить, что на сайте, который открыл Матвей, рядом с фамилией «Лялина» стояла фотография достаточно молодой, красивой женщины с тонким лицом, задумчивыми глазами. Женщина длинными изящными пальцами тербила шелковый розовый платок, накинутый на шею, смотрела на тебя внимательно, в уголках рта пряталась улыбка... Степа взял отложенную книгу.

Да, та же женщина. Чуть другой ракурс, и лицо – то же, да не то, как будто в зеркале снимали, ну да... родинка на другой стороне, платок чуть светлее...

– Что? Хороша? – усмехнулся Матвей.

– А кто это?

– Это я. Вера Лялина.

– А на самом деле?

– Не знаю, – пожал плечами Матвей. – Нашел где-то фото. Оно одно и есть, на всех книгах. Тут меня попросили дать другую фотографию, порадовать читательниц, а я говорю: «Где ж я вам другое фото возьму?» Так они сами фото перевернули, подсветили по-другому, сейчас ведь все можно сделать в компьютере. Из старика – младенца, если надо. И наоборот. Вот такая теперь фотография на книгах.

– Здо?рово...

Степа опять взял книгу. Да, немного другая женщина, та же красотка, но чуть уставшая. Поплыл овал лица, стал менее четким, собрались морщины у глаз. Даже взгляд стал менее ярким. Женщина как будто постарела лет на пятнадцать, но осталась такая же красивая, и в глазах – та же загадка.

– А как же вы ходите на встречи со зрителями... то есть... с читателями?

– Да никак. Ходила вместо меня одна актриса пару-тройку раз. Глупышка такая... В областном театре когда-то работала, играла совсем мало, потом дома засела с ребенком, никто толком ее и не знал. Я ей тексты для встреч писал, чтобы знала, что говорить, просил, чтобы учила наизусть цитаты великих и мои ответы, но если ее что-то неожиданное спрашивали, такие казусы бывали... Теперь она уехала в Австралию, навсегда, и я даже рад. Потому что проболтаться могла.

– А почему ее фото на книгу не поставили? – поинтересовался Степа. – Это ведь не она?

– Не она. Так сначала я вот это фото нашел, жил с этим несколько лет, а потом уже – похожую актрису! Случайно, кстати. С Гошаном ходили на ёлки, там Снегурочка была. Стояла и молчала, улыбалась – прекрасная, как Царевна Лебедь... И я аж ахнул – так это же просто моя Вера Лялина! Я потом к ней подошел, она всё понять не могла, в чем дело, переспрашивала, не верила, сама схожесть не видела. А книжки мои читала. Но когда ее попробовали сфотографировать – у нее никакой загадки в глазах. А у этой – есть.

Степа заслушался старика. Если он так пишет, как говорит – слово за слово, ведет-ведет тебя куда-то, петелька-крючок, петелька-крючок, и ты уже забыл, о чем думал до того, как слушать стал, то понятно, почему его женщины с удовольствием читают.

– И что, все в издательстве знают, что вы мужчина, – и никуда это не просочилось?

– Ну, во-первых, не все... А во-вторых – кому это нужно!.. – вздохнул Матвей. – Ты на тиражи мои посмотри. Даром что в любви и дружбе читательницы признаются. Но прочитают несколько тысяч человек мои книги или не прочитают – ничего на этой земле, к сожалению, не изменится.

– А вы пишете, чтобы изменилось? – негромко спросил Степа.

– В том числе и для этого. Есть такое слово «призвание». Не слышал? Так вот, когда тебя призвали, ты уже по-другому не можешь. Гоша! – окликнул старик внука, который допил чай и, не замечая этого, снова взял пустую чашку. – Что делать с ним?

– У него тоже свой мир, как у вас, – заметил Степа.

– Э-э, нет. У него мир – чужой. И его увлекают в этот мир.

– Кто? – засмеялся Степа. – Американцы? Жидорептилоиды, которые построили себе бункеры на случай Третьей мировой? И сами ее раздувают?

– Ты зря смеешься, какой же ты глупый! Понятно, актер. Да, американцы, которые хотят захватить мир. Практически уже захватили.

– Это у вас с советских времен осталось, наверное. Тогда все врагов вокруг видели, искали американских шпионов.

Матвей прищурился.

– Самое обидное, что таким глупым и неразвитым, как ты, можно вложить в голову всё что угодно.

– Я иногда новости смотрю, – обиделся Степа. – И Толстого читал по программе.

– Толстой тебе про шпионов рассказал?

– Нет. Но...

– Ты глупый. Займись собой, пока не поздно, пока совсем не спился. Знаешь... Оставляй мне Гошу.

– Вам же кормить его нечем!

– Ничего, пусть макароны поест. Потом придумаем что-нибудь. Соседка Нинель накормит – видел толстуху, ходила по коридору? Тоже одна живет, и деньги у нее есть. Свою квартиру сдает, здесь живет, ест с утра до вечера. Говорит: есть перестану, только если взорвусь. Вот, накормит Георгия, женщина ведь! Не даст с голоду погибнуть. Это лучше, чем с таким глупцом он будет жить, пусть даже временно. Глупость заразна! Не верит он, что американцы хотят захватить мир!

Степа не мог понять, отчего так рассвирепел дед Матвей.

– Давай, давай, иди!

– Нет. – Степа постарался сказать это как можно тверже. – Матвей, он пойдет со мной. Вы... пиши?те книги, а я с Гошей справлюсь как-нибудь. На это ума хватит. Гошан, вставай, двигаем к выходу!

Мальчик кивнул, встал, не отрываясь от телефона, и пошел к выходу из комнаты.

– Мне его даже и положить спать некуда, – пробурчал Матвей. – Могу пойти к Вере домой, да без ее разрешения как-то мне это несподручно.

– Там дверь захлопнулась, – неожиданно соврал ему Степа, сам не зная зачем, подчиняясь какой-то непонятной пока, неопределенной мысли. – Когда Веру уносили. Я надеюсь, ее скоро отпустят.

– Верка здоровая баба, вон деньжищ каких заработала, в дом буржуйский поселилась... – пробормотал Матвей. – Сколько миллионов квартиры ваши стоят?

– Много, – кивнул Степа. – Очень много. Мне за съемки прилично заплатили, всё равно не хватило.

– Машина небось у тебя «ламборджини»? – прищурился Гошин дед.

– Да нет, обычная «тойота».

– Мне всё равно! Я четыре года без холодильника жил и – ничего.

– Почему?

– Хотел понять, как раньше люди жили, когда у них ничего не было, а они счастливые были. Не то, что сейчас, с жиру бесятся, то девки голодают добровольно, до костей худеют, то еще хуже – пол себе меняют... Ты, Степан, иди за пацаном, иначе не ровен час он заиграется, уйдет, не разбирая дороги, потом искать его будешь. Однажды так было. Шел от меня домой, я в окно за ним смотрел, провожать не пошел. А что тут – близко, дойдет, думаю. Так он мимо дома протопал и ушел куда-то, с милицией потом возвращали.

Раздался звук сообщения в компьютере. Матвей показал Степе:

– Вот, видишь? – Он ткнул мышкой. – Читай: «Верочка, как ты была права! Сошло с меня это чувство ненужности. Я вчера вечером решила – не буду я больше от него ничего таить, взяла прямо так и сказала...» Видишь?

– Вы их обманываете, – заметил Степа.

– Вовсе нет! – Матвей подбоченился. – Ты не поймешь. Им нужна собеседница и романы мои нужны. Они себя узнают в героинях – в молодых, прекрасных. И хотят слышать мои советы.

– Как вы можете что-то советовать женщинам? – удивился Степа.

– А кто им еще посоветует? Такие же глупые, как они? Их подружки и сестры, безграмотные и самоуверенные, или мамы, родившиеся в другое время?

– Вы тоже родились в другое время...

– Я – писатель. Я живу и там, и здесь. Нигде и везде.

Степа с сомнением взглянул на Матвея. Надо хоть попробовать почитать, что он пишет. Так уверен в своей избранности и исключительности...

Гоша, приостановившийся было с телефоном у двери, тем временем вышел в коридор, не оборачиваясь ни на деда, ни на Степу, не поднимая головы от своей игры.

– Слова – это мысли и чувства. Э, где тебе понять!.. – Матвей махнул на Степу рукой.

Степа ничего отвечать не стал, лишь пожал плечами (с чего Матвей решил, что он совсем неразвитый?), кивнул писателю на прощание и побыстрее пошел за Гошей. Он видел, как маленькие смуглые мальчики подставили тому подножку, Гоша спокойно перешагнул и пошел дальше, всё так же глядя только в телефон.

Степа догнал Гошу, отобрал у него телефон. Мальчик неожиданно закричал, да так, что женщина, которая шла навстречу, неодобрительно покачала головой:

– Бьют детей, а потом удивляются, что у них вырастает! Что посеешь, то потом тебе на голову и...

Степа не стал дальше слушать, в растерянности вернул Гоше телефон.

– Ты чего так орешь?

– Не твое, не бери. Это моя эта... – Гоша телефоном почесал голову, – сейчас... собственность.

– Молодец. Кто научил?

– В школе...

Степа засмеялся.

– Да ладно! Класс у тебя какой?

– Второй.

– Как урок называется?

– Окружающий мир и эта... экономика!

– А при чем тут экономика? – хмыкнул Степа. – Хотя, конечно, в каком-то смысле это и есть окружающий нас с тобой мир... И что вы там делаете?

Гоша подумал.

– Этот... типа... как там... кредит...

– Кредит? На что? На чупа-чупс? Все, будешь меня консультировать. Давай завернем в магазин, купим чего-нибудь, отнесем Матвею и себе тоже на ужин.

– Дед не возьмет, – помотал головой Гоша.

– Почему?

– Мама всегда ему еду носит, а он ругается, выбрасывает даже...

– Зачем?

– Чтобы... – Гоша подумал, – чтобы мама не носила еду.

– Я понял. Тебе уроки надо делать?

– Неа.

– Совсем?

– Ну там... писать букву «ж». И еще это... типа... придумать... свой бизнес.

– Придумал? – хмыкнул Степа.

– Не-а. Димка говорит – надо, чтобы круто было, как у его папы...

– А папа чем занимается?

Степа и не мог предположить, что ему будет так интересно разговаривать с ребенком.

– Мой?

– Нет, Димкин. Ты же про своего ничего не знаешь.

– Знаю, – сказал Гоша. – А мама думает, что я не знаю.

– И что ты знаешь?

– Он нас бросил.

– Необязательно, – пожал плечами Степа. – Может быть, твоя мама его бросила. Или он служит в таком месте, что ему нельзя временно к вам приезжать. Такое тоже бывает. Например, если он на атомной подлодке. Или в космосе. Так что не переживай. Ты почему в таких ботинках?

Степа только сейчас обратил внимание, что Гоша почему-то в разных ботинках. Один синий, другой темно-серый, на толстой рифленой подошве.

– Я не нашел второй ботинок.

– Что, у обеих пар?

– Нет. Просто вот эти... синие... промокают. Мама говорит – не надевай их, сегодня лужи.

– Поэтому ты хотя бы один непромокающий надел, да? – хмыкнул Степа. – Логично. Я бы тоже так сделал.

По дороге домой Степа дозвонился в «скорую», с трудом узнал, куда увезли Веру, пытался позвонить деду Матвею, но тот, наверное, уже сел работать, на звонок не отвечал.

– Ну что, Гошан, придется тебе со мной недельку перекантоваться. Маму твою пока лечить будут. Уроки пошли делать. С экономикой я тебе не помогу, я не по этой части. Могу только подсказать, как профукать кредит. Так что будешь букву «ж» писать.

– Не! Это на потом. У меня каникулы.

– Как каникулы? – удивился Степа. – Осенние? Не рано? Еще ведь октябрь, начало только...

Гоша прожал плечами и снова уткнулся было в телефон.

– Э, нет, убирай телефон. А то ты с ним с ума уже сошел. Ничего не видишь и не слышишь. Сейчас перекусим и спать. А завтра пойдем в театр. Ты был когда-нибудь в театре?

– Не, не хочу, – твердо ответил Гоша. – Мы с мамой ходили, мне не понравилось. Я ушел.

– Ушел?

– Да. Тупо.

– То есть вот это – не тупо? – Степа щелкнул по его телефону. – А театр – тупо?

Гоша кивнул.

– А фильм мой ты досмотрел до конца?

– Да. Там круто. Ты там... – Гоша с восхищением посмотрел на Степу. – Крутой.

– Ясно. А книги – тупые?

– Тупые. Отстой.

– Ты хорошо читаешь, быстро?

Гоша пожал плечами.

– А мама тебе читает?

– Да ну, неохота.

Степа шел рядом с крохотным, по сравнению с ним, человечком и думал: неужели его отделяет от Матвея и даже от его родителей такая же пропасть, как Гошу от него? Он сам в семь лет стихи наизусть шпарил, читал уже два года увлеченно. Потом, правда, любовь к книгам как-то уменьшилась, особенно когда в театральный поступил. Никто вокруг не читал, к зачетам по литературе мучились, краткое содержание друг у друга списывали, кто где нашел получше...

– Как-то ты мне со стороны больше нравился, когда мы в лифте встречались, – заметил Степа.

Гоша взглянул на него.

– И ты мне.

– Смелый. А деваться тебе некуда. Будешь со мной жить пока. Дед Матвей тебя не берет.

– Я один буду дома, – заявил вдруг Гоша. – И тебя не пущу. Ты придурок.

– Ты не боишься, что я возьму тебя и... – Степа показал, как он кулаком делает из Гоши лепешку.

– Не-а, – сказал Гоша и на всякий случай отодвинулся от Степы.

– Хорошо, пожалуйста. Номер мой запиши и звони, если что. Очень ты мне нужен.

В лифте Гоша встал в угол, подальше от Степы, и продолжал играть.

– Тебе выходить! – кивнул ему Степа, когда лифт остановился на его этаже.

Мальчик молча вышел, продолжая играть.

– Ключ твой у меня! – Степа протянул мальчику ключ, увидев в глазах того некоторое сомнение, и решил спуститься к нему через некоторое время. Через... полчаса, например.

Степа приехал на свой этаж, подошел к двери и сначала не понял, что происходит.

На двери была наклейка с плохо читаемыми буквами «Опечатано» и письмо. На письме написано «Заказное»... Как странно, не вручили и в ящик внизу не положили... Думали, наверное, что он дома – сквозь замочную скважину видно, что внутри горит свет. Или вообще ничего не думали – всем всё равно. Не пойдет же такой бесправный и никому не нужный человек добиваться правды? Да и правда явно будет не на его стороне.

Степа быстро открыл конверт и проглядел письмо. Решение суда... Всё решили без него? Хотя он как-то так и думал. Были же предупреждения... Ему звонили, звонили, и всё так не вовремя... Пугали, угрожали... предлагали взять кредит на

кредит, что, собственно, он один раз и сделал... Но почему шесть месяцев... Он думал – четыре... Оказывается, он не гасил долг и не платил проценты уже полгода... Или они не так считали, или как-то быстро прошло время... куда-то оно потерялось...Время, его, Степы, время потерялось.

Недолго думая, Степа порвал тонкую полоску бумажки и открыл дверь. То, что он прочитал в приложенном к постановлению письме, было понятно. Он ожидал этого. Квартира его оплачена не полностью, и ее теперь забирают за долги. Главное, чтобы не забрали машину. Машина оплачена, но ведь и она может пойти в счет долга? Разобраться в этом трудно, Степа никогда ничего не докажет, истории он такие слышал и каждый раз ужасался, думая, что лично он бы не выпутался... На юристов денег нет, а сам он не справится, ни одного заявления написать не сможет, а тем более внятно выступить на суде. Да и чем бы он попробовал оправдаться? Глупостью?

Степа прошел на кухню, налил полный стакан вина, поднес было ко рту и остановился. Нет. Так дело не пойдет. Он вылил в раковину вино и из стакана, и из бутылки. Он и так столько времени потерял – в прямом смысле.

А насчет квартиры... Почему он думал, что есть еще два месяца? Он не сильно вникал в условия рассрочки, тем более они были какие-то оригинальные, ему показалось, очень выгодные, но вот это как-то запало в голову – шесть месяцев, в течение которых надо погасить хотя бы часть долга. Нельзя не выплачивать... А еще ведь проценты по второму кредиту, тот ничего толком не покрыв, лишь половину... И больше не дают, он же не платит проценты вовремя. А из чего ему платить? Когда он в долг сам у себя живет. Так что теперь делать? Не ждать же, когда его выведут под руки... Глупость ужасная... То есть получается, что все те деньги, которые он заплатил за квартиру, просто пропали? Как это выяснить? У кого? Надо пойти к какому-нибудь юристу, и жить ведь где-то надо...

Степа увидел, как на телефоне высветилось милое, так хорошо знакомое, до каждой родинки и складочки, лицо Веры. Его Веры, которая ушла от него. Почему она звонит именно сейчас? И почему звонит, а не пишет?

– Василёчек, привет, – ласково, как всегда, пропела Вера. Она ласковая и умеет говорить так, что сердиться на нее совершенно невозможно.

– Привет, – вздохнул Степа.

– Ну-ка включи видеосвязь, ты где сейчас?

– Дома, – сказал Степа и послушно включил видеосвязь.

– Фу, опять пьешь? – Вера наверняка увидела бутылки, которые стояли по всей кухне.

– Нет. Уже нет.

– Хорошо. Тогда... – Вера сделала паузу. – Тогда я сейчас приеду. Не возражаешь? Никого не ждешь?

Степа подумал. Вообще-то он вошел в опечатанную квартиру... Он ведь не знает, когда придут его выселять. И что ему будет за то, что он сорвал эту неприятную бумажку.

– Нет, не жду. Приезжай.

Это глупо. Это не нужно. Вера – чужая жена. Но когда она говорит «приеду», отказать ей невозможно. Степа ее не приглашал. Он просто согласился.

Степа прошел в ванную и глянул на себя в огромное зеркало. Да. Странно еще, что его кто-то узнаёт. Сам он себя не узнаёт.

Он стоял под горячим душем и думал о том, что же теперь делать и куда идти. До того, как Степа купил эту квартиру, он жил в общежитии, потом снимал квартиру вместе с двумя однокурсниками. Это было весело, но жизнь была похожа на сумасшедший дом. Когда шли съемки фильма, в Москве он почти не бывал. Куда ему идти теперь? К кому? Возвращаться к родителям?

Вера приехала быстрее, чем он рассчитывал. Он даже не успел распахнуть по шкафам валявшиеся по всей квартире вещи. Он думал, не рассказать ли ей о том, что произошло с его квартирой, но когда она вошла – беленькая, румяная, веселая, приятная, как обычно, – Степа передумал. А какой смысл ей рассказывать? Чем она может ему помочь? Вера пришла – это как веселый мультик, в котором ни слова серьезного. Приятно, весело и хорошо, все смеются, говорят глупости и пляшут на солнечной лужайке. А потом начнется обычная

жизнь и проблемы, которые нужно будет решать.

– Ты уйдешь от мужа? – на всякий случай спросил Степа, после того как Вера, поцеловав его еще раз, изогнулась, как мягкая, гибкая, быстрая кошечка, и встала.

Нисколько не изменилась – ни фигурой, ни голосом. Так всё знакомо, так всё сразу всколыхнулось... Был момент в их отношениях, когда чуть-чуть, самую малость ему стала надоедать одинаковость их встреч, но надоесть как следует не успела. Вера вовремя вышла замуж. Сейчас он толком не понял, что произошло.

– Я соскучилась по тебе. Ты мой самый-самый любимый... – проворковала Вера и погладила его теплой, гладкой ручкой. – Ты прекрасен, как никогда. Я так люблю просто на тебя смотреть. И не просто... – Она засмеялась. И снова его поцеловала, и снова...

Степа закрыл глаза. А когда открыл, Вера уже быстро одевалась.

– Так, я поеду, – деловито сказала она. – Нет женщины, правильно? – Она мельком огляделась. – Значит, я опять буду твоей женщиной.

– Ты ушла от мужа? – повторил Степа.

– Я что, с ума сошла, Степик? Посмотри, во что я одета, и всё поймешь.

Степа сел на кровати.

– Во что?

– Ладно! Ты всегда такой был. Тебе же всё равно, во что я одета, во что ты одет... Как у тебя дела? – запоздало спросила она и засмеялась: – Уже некогда даже слушать, как у тебя дела. Я надеюсь, всё хорошо?

– Ну да, – кивнул Степа. – В окно пока не прыгнул.

– Не вздумай прыгать в окошко! – Вера погрозила ему пальчиком. – Ты чего? Такие красивые в окно прыгать не должны. А кого женщины любить тогда будут?

Степа пожал плечами.

– Так, ну-ка... – Она подошла к нему, взяла одной рукой за подбородок, другой убрала ему волосы со лба. – Что такое? Степик грустит? Ролей нет?

Степа подумал, что вот самое время все ей рассказать, открыл рот, но Вера поцеловала его и быстро вышла из комнаты.

– Я тебе напишу и еще приеду, поболтаем!

– Ага, – кивнул Степа.

Если иметь в виду, что приезжать ей больше некуда... Но сказать об этом как-то не получилось.

– Скучаю о тебе! – крикнула Вера из прихожей. – Не могу жить без твоей красоты! Вот представляешь? Встаю утром и думаю – как там мой Василёчек? Почти каждое утро думаю! Я рада, что у тебя никого нет. Ведь у тебя никого нет? А? – Вера заглянула в комнату, застегивая пальто.

Степа, сидя на кровати, помотал головой. Надо, наверно, встать, проводить ее. Она даже не заметила оборванную бумажку на двери. И вообще он хотел сказать, что встретил еще одну Веру, тоже прекрасную, но совсем другую, и теперь эта Вера болеет... Но не нашел нужных слов, да и Вера быстро-быстро собиралась. Сходила в сапожках на кухню, попила воды, быстренько его чмокнула, полностью одетая покрутилась перед большим зеркалом, заставила его встать, поцеловать ее на прощание.

Когда Вера уехала, Степа сел обратно на кровать, слушая себя, удивляясь, как же пусто внутри. Кажется, раньше так никогда не бывало. После близости с Верой у него как будто появлялись силы, хотелось срочно что-то делать, куда-то звонить, договариваться о работе, о новых ролях, куда-то ехать...

Он стряхнул несколько светлых волосков с подушки. Наверное, надо встать, одеться и пойти в магазин за вином. Это будет самое лучшее. Степа помотал головой. Вообще-то пить сейчас – это последнее дело. Просто уж очень тошно на душе после Вериного внезапного появления. Если бы он ее не любил... А он ее любил и, может быть, еще любит. Не поймешь. Полчаса назад казалось, что точно любит. Но это было полчаса назад.

Степа попытался собраться с мыслями. Звонить родителям, говорить, как у него всё паршиво, и ехать к ним? Степа представил, как он приедет, сядет на маленькой кухне перед родителями, как будто он учится в пятом классе и прогулял уроки... Мама будет его жалеть, отец – ругать. Наоборот – вряд ли. А дальше что? Отец заставит пойти искать работу. А какую работу можно найти в их городке? Где закрылись почти все предприятия, которых и так-то было раз два и обчёлся... Идти к отцу на полуживой, еле-еле сводящий концы с концами заводик? Проверять старую проводку? Пить с мужиками дешевое вино в перерыв и ждать конца рабочего дня, чтобы можно было напиться как следует?

Степа, размышляя, стал собираться. Ведь не оставлять же здесь свои вещи. Телевизор бы тоже взять, зимнюю куртку... ботинки... ноутбук... В письме написано: «освободить квартиру в течение суток»... Зачем тогда опечатывать было? Чтобы ему стало страшно, он побежал занимать деньги и всё уплатил? Квартиру тогда вернули бы? А как же постановление суда? Как-то это всё несерьезно... Вообще всё в жизни теперь как будто не по-настоящему... С какого момента? Когда это началось?

Степа несколько раз умылся холодной водой, попробовал расчесать спутанные волосы – Вера тоже их расчесывала, она раньше всегда так делала, и это было удивительное чувство... Степа помотал головой – совсем не время пускаться в воспоминания. И ничего в них нет – обман, пустое.

Быстро упаковав почти все вещи – у него ведь почти ничего не накопилось, кроме одежды, и то очень мало, он с сомнением позвонил все-таки своему однокурснику, с которым они когда-то вместе снимали квартиру.

– Тебе надолго? А то я теперь с девушкой живу.

– Хотя бы переночевать.

– Переночевать... У нас одна комната, она же кухня. Снимаем на двоих студию в семнадцать метров. А тебе горит?

Степа подумал.

– Да пока нет.

– Если прижмет, приходи, на пару ночей нормально. Но у нас теснота, имей в виду. И девушка у меня с характером – много курит, сильно душится...

Степа на всякий случай позвонил еще одному приятелю, Боре, с которым он сдружился на съемках у Мазорова, позвонил, просто чтобы убедиться, что тот в крайнем случае тоже не откажет. Но он уже решил, что ни у кого жить временно не будет. Ему только что пришла неожиданная и очень хорошая мысль в голову. Боря, конечно, сказал: «Приезжай, я сейчас теще позвоню, предупрежу, что тебе негде ночевать, она возражать не будет. Наверное». Друг – это друг. Но есть выход гораздо лучше. Ведь у него есть машина, есть деньги, немного, но есть – и на карточке, и тысяч семь бумажками завалялись по карманам и в кошельке. На бензин и еду хватит. Он может сесть и... поехать. Куда? Страна большая. Разберемся на ходу. Мысль, что машину могут отобрать за долги, опять мелькнула – может быть, прямо на дороге и отберут... Но Степа побыстрее отогнал эту мысль. Если решили отобрать, то уже бы это сделали – машина стоит во дворе, всё очень просто – подъехал и увез.

Степа оглядел собранные вещи, получается, у него толком и нет ничего – два объемных чемодана, несколько сумок, телевизор и еще отдельно мешок с ботинками, Вера любила ходить с ним в магазины и заставлять покупать всё новые и новые ботинки. Он закрыл дверь, отчетливо понимая, что дом, который он толком не успел полюбить, покидает сейчас, скорее всего, навсегда. Кое-как приладил сорванную бумажку на место – а кто знает, кто ее сорвал, может быть, соседи? Тем более, что ему сутки на сборы дали... «Странно, – мелькнула у него трезвая мысль, – а что же они не звонили, не предупреждали?» Но он мог и не услышать. Несколько дней совсем как-то выпали из жизни, когда самое дурное настроение у него было, когда казалось, что подошел к той самой черте, за которой – пустота, ничто...

Он зашел в лифт и помедлил, прежде чем нажать на кнопку с цифрой «1». А как же пацан? Степа представил, что тот сидит сейчас один, в пустой квартире,

играет в телефон, что-то грызет... Невозможно ведь так его оставить. Сам он ничего не сообщает, но Степа-то взрослый, хотя бы по документам. Даже если не все поступки взрослые. Вот Веру сейчас зачем пустил? Что он – зверек какой-то, со смазливой мордашкой, что она вот так влетела, покрутилась с ним и упорхнула, всем довольная? И тем, что есть он, Степа, и тем, что она пристроена и в полном шоколаде... Как это всё неправильно... Степа помотал головой. Двери лифта открылись на первом этаже, Степа выгрузил свои вещи и снова поехал вверх.

Мальчик дверь открыл не сразу, Степа уже подумал, что тот убежал к деду, на всякий случай жал на звонок, не отпуская его.

– Пошли, – сразу сказал Степа, как только дверь приоткрылась.

– Куда? – Гоша стоял в дверях с телефоном, весь измазанный шоколадом.

– Одевайся. К деду.

– Нет.

– Гоша... Мне надо уехать.

– И чо? – воинственно спросил его мальчик и попытался закрыть дверь.

– Ничего. Одевайся, я сказал. Я не могу тебя здесь одного оставить. Я... уезжаю, а у тебя больше никого знакомых нет, правильно?

Гоша закивал, потом замотал головой:

– К деду не пойду!

– Почему?

– Он псих.

– Ну... хорошо... – Степа постарался не раздражаться. Что тягаться на равных с маленьким мальчиком, стоявшим сейчас перед ним, как взъерошенный котенок, только-только научившийся выпускать крохотные коготки? – Ладно. А почему он псих?

– Псих. Я от него убегу. Мама меня отводит, я убегаю.

– А кстати, еще к кому-то мама тебя отводила?

Гоша пожал плечами, подумал.

– Да.

– К кому? Думай! Может быть, в нашем доме? К соседке, да?

– Да.

– На какой этаж?

– Не знаю. Не помню.

– Ладно. У тебя каникулы... вот, давай поедem... гм... на экскурсию. Оденься потеплее, но сначала умойся, ты вымазался весь.

– Ага, – Гоша неожиданно покладисто кивнул. – У меня вот тут болит, – показал он на живот. – И еще вот тут. – Он растянул пальцами рот и показал зубы и язык.

– А ты много шоколада съел?

Гоша неопределенно пожал плечами. Степа заглянул из прихожей в комнату, увидел разодранные пачки чипсов, шоколада, открытую коробку конфет. Когда Степа раньше видел Гошу с Верой, мальчик казался ему таким паинькой... Стоял, хлопал глазами... Как с ним обращаться? Степа никогда не общался так близко с детьми. У кого-то из его ровесников уже есть дети, но Степа не готов, категорически не готов заводить детей. Правда, дети появляются и тогда, когда ты совершенно не готов к этому. Иногда он думал – вот забеременела бы Вера, его Вера, прежняя, ласковая, быстрая... Что бы было? Но Вера не беременела.

Степа не спрашивал – почему. Так бывает, наверное. Женщины ведь что-то делают, чтобы не было детей.

Степа подтолкнул зазевавшегося Гошу, тот брыкнулся в ответ. Степа дал ему легкий подзатыльник, мальчишка громко заревел. Степа растерялся.

– Ты чего? Больно?

Гоша продолжал плакать, размазывать слезы, судорожно всхлипывать. Степа совершенно не знал, что сказать, и просто обнял мальчика. Тот сначала оттолкнул Степу, а потом прислонился к нему, даже обнял обеими руками. Степа растерялся еще больше, взял ключи, лежавшие на тумбочке у дверей, покрутил ими.

– Ну вот. Хорош реветь, а? Мы с тобой отправляемся в необычное путешествие. К маме твоей пока всё равно не пустят, я звонил, узнавал. Ей нужен покой и лечение. Так что... Съездим на пару-тройку дней и... вернемся. Другого я пока придумать не могу. Давай бери вещи.

– Какие? – доверчиво спросил Гоша, одновременно стуча ногой по стене.

– Шапку. Не знаю... свитер... Что там у тебя есть... Ботинок второй найди...

Степа остановился у магазина, вышел из машины. Гоша, не обращая на него внимания, продолжал на заднем сиденье играть.

– Эй, ку-ку! – Степа открыл дверцу и натянул Гоше шапку на лицо.

Гоша поправил шапку и опять уткнулся в телефон.

– Ну, нет, слушай, так не пойдет. – Степа попытался взять телефон, но Гоша ловко отодвинулся в другой угол. – Слушай, ты что, вообще, что ли? Вылезай... Нельзя в машине одному... Воды надо купить. И съесть что-то...

С большим трудом вынув мальчика из машины, Степа подтолкнул того в сторону магазина, оставив его телефон в машине.

В магазине Гоша набрал полные руки чипсов и конфет, принес к кассе.

– А твоя мама разрешает тебе всё это есть? – поинтересовался Степа.

– Не-а, – легко ответил Гоша. – Она же в больнице.

– Легко ты успокоился, а ревел-то как, когда я пришел... – заметил Степа. – Ладно, я пробью всё это, конечно, с одним условием, что ты будешь меня слушаться.

– Ага! – улыбнулся довольный Гоша.

Степа вдруг увидел, как мальчик похож на свою мать. Какое это странное чувство. Он этого никогда не знал. Ему нравится эта женщина, точно нравится. А вот это ее сын, так похожий на нее, когда улыбается... У него такой же ровный носик, четко очерченный подбородок и, кажется, такие же глаза. Как удивительно, наверное, если ребенок так похож на тебя самого. Вот были бы у него, к примеру, еще такие же уши, как у Степы, круглые, но слегка оттопыренные...

Степа потрянул головой. Его о чем-то спросила кассирша.

– У вас недостаточно средств! – повторила она.

– Еще раз попробуйте, не может быть, – ответил Степа. – Денег полно. На чипсы и колбасу с шоколадом нам точно хватит, да, Гошан? – подмигнул он мальчику. – И вас можем угостить.

Степа услышал, как стоявшие сзади две девчушки лет пятнадцати вдруг завопили, захихикали, одна стала спрашивать другую: «Кто? Чо? Не... Не он... Чо – он? Круто...» Степа повернулся к ним, они замолкли. Потом одна смело спросила:

– А... это вы?

– Нет, – пожал плечами Степа.

Последнее время его совершенно не узнавали, может быть, потому что он часто ходил в низко надвинутом на лицо капюшоне. Или еще почему-то. Изменился.

– Нет, вы... – стала кокетничать девчушка. – Класс... – Она тут же повернулась и стала фотографировать себя вместе со Степой. – Молодой человек, – вздохнула кассирша, – не проходит ваша карточка. Вон банкомат, попробуйте снять деньги. Может, там вам больше повезет.

Степа подошел к банкомату, на всякий случай попробовал, но он уже понял, что все деньги, которые оставались у него на карточке, сняты в счет погашения его долга по кредиту. Мало им его квартиры?

– Ну что? – Немолодая кассирша с симпатией смотрела на Степу.

Он отлично знал этот эффект. Женщины проникались к нему материнской, сестринской симпатией, любовью, которая очень быстро, иногда мгновенно переходила в настоящую влюбленность. Часто бывало именно так. Он вызывал у женщин человеческие чувства. Но только не у Веры, не у той, с кем он столько времени встречался. Вера всегда видела в нем мужчину, всегда хотела близости, хотела любить его неумоимо, до изнеможения. Степа помотал головой. Лезут и лезут мысли о ней, потому что тело живет самостоятельной жизнью, телу наплевать, что Степе сейчас нечем его кормить.

– Наличные есть? – негромко спросила его кассирша.

– Есть... – растерянно ответил Степа, краем глаза наблюдая за Гошей. Тот, по всей видимости, нацелился еще на одну шоколадку, огромную, толстую, с широкой подарочной лентой. – На место положи! – велел Степа мальчику. – Денег нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/terent-eva_nataliya/tvoya-zvezda

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)